

О том как сдавали сотни страниц курсовых работ, написанных чернилами, о «Венеции из спичек» и предсмертном концерте Вертинского

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1633>

🗣️ 20 августа 2013

Собеседник

Родоман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 20 августа 2013 и опубликована 1 апреля 2016.

Введение

В седьмой беседе Борис Борисович Родоман рассказывает о похоронах галчонка, о том, как на втором и третьем курсах Геофака МГУ он находил темы курсовых работ в коридоре, а первая курсовая позволила студенту «въехать в географическую науку на белом коне» и попасть в Бурят-Монгольскую республику. Там юный ученый прошел за два дня 80 километров через хребет Хамар-Дабан, за что ему был объявлен выговор. В экспедиции Родомана переодевали в женское платье и фотографировали, а юноша наблюдал за странной игрой в «гоп-доп». По слухам, в день, когда умер Сталин, должны были гудеть все заводы и фабрики, Родоман вместо похорон пошел на «прослушку» и не был потрясен ни звуками советской промышленности, ни смертью Сталина. В беседе подробно описывается открытие нового здания МГУ на Ленинских горах в 1953 году, тогда специальные бригады пытались предотвратить секс в общежитии: спасаясь от консерватизма некоторые студенты прятались на карнизах, предоставляя пищу для будущих анекдотов и рискуя своей жизнью. Борис Борисович Родоман уже в студенческие годы много путешествовал, побывал в нищих подмосковных деревнях и в Шлиссербургской крепости — родине русского почвоведения.

Борис Борисович Родоман: Ну хорошо, значит, мы остановились на том, что я вернулся на автобусе из Крыма после того, как закончилась практика.

Юрий Вадимович Самодуров: Это после первого курса.

Б.Р.: Да. И уже на второй курс мне идти, видимо. Занятия начинались с 16 сентября или что-то в этом роде. Наша осень началась с того, что начали разбирать дело о похоронах галчонка Потенота. Дело в том, что это дело постепенно обрастало и дошло до парткома. Там оно уже приняло другой оборот, как какое-то идеологическое в общем-то нарушение. По этому поводу было комсомольское собрание всего курса, на котором я вынул какую-то очень яркую, но странную речь. Содержание я не помню, но помню, что она понравилась обеим сторонам. Мне очень аплодировали как защитники, так и осуждавшие. Видимо, я там поднимал какой-то моральный вопрос. Предметом разбора была так называемая «Белая палатка», в которой жило повышенное количество ветеранов, то есть участников Отечественной войны, они были уже взрослые мужики и позволяли себе там свободу слова, то есть мат. Вот и они-то устроили похороны галчонка, в которых участвовало, по слухам, людей больше, чем на похоронах Станиславского. Не помню, когда были похороны Станиславского.

Ю.С.: Здорово, что у взрослых людей есть потребность в такой игре.

Б.Р.: Да-да, это случайно получилось. Случайно. В моей жизни было несколько таких вещей, когда я видел, как люди вдруг внезапно, самодеятельно, без всякой программы вдруг организовывались и веселились. Это бывает очень редко, потому что, как правило, в нашем обществе все, что заранее запрограммировано, бывает скучно. Ну вот, и тут начали это дело раздувать. Раздувать... Я не знаю, может быть, какие-то выговора были кому-то. В общем, поставили на вид, что идеологическая работа не на должной высоте.

Тем временем я приступил к обучению уже по специальности «Экономическая география СССР» на соответствующей кафедре. Как я уже говорил, я выбрал экономическую географию, потому что она была более комплексной — экономгеографы того поколения разбирались в физической географии и любили ее — и потому что я хотел видеть объект своего изучения, то есть СССР, своими глазами. На то, чтобы стать выездным в зарубежные страны, у меня надежды не было. Я все еще находился под впечатлением от крымской общегеографической практики. Мне надо было о ней написать простой отчет, но вместо этого отчета я написал сочинение о том, каким должно быть комплексное географическое описание. Там и региональный его аспект, и систематический, и классификационный, — все это я стал писать об этом. Это стало моим основным сочинением на втором курсе, хотя параллельно мы взялись писать коллективную курсовую работу о Тибете, которая потом рассыпалась, как я уже говорил, но два человека это сохранили. В общем, в отношении курсовой работы я находился в каком-то подвешенном состоянии. Скажу, что до весны следующего года у меня никакой официальной курсовой работы не было. Кафедра еще обо мне как бы не знала. Я не был еще известен кафедре, кроме как по формальным спискам, но списками-то ведал не заведующий кафедрой, а кто-то там сильно пониже.

Что касается отчета о крымской практике, то Людмила Алексеевна Михайлова всем, кто написал отчет, поставила пятерки, а всем, кто не написал, четверки.

На этом дело закончилось для меня. Никакого отчета о практике я не написал, но с Людмилой Алексеевной Михайловой я сохранял дружеские отношения. Вот так прошла для меня эта зима. Я писал трактат о том, каким должно быть для меня комплексное географическое описание. Прошла зима...

Ю.С.: Настало лето, спасибо партии за это.

Б.Р.: Нет, еще не настало, но в конце зимы у меня еще была такая неприятность: я попал в больницу с осложнением на уши. У меня хронический отит был еще в детстве. Он опять почему-то дал о себе знать тогда. Мне опять сделали операцию, за левым ухом на этот раз, не за обоими. Я познал, так сказать, то благо товарищеских отношений и дружбы: меня навещали товарищи и даже, кажется, деньги собирали для меня, моим родителям вручили. Это все тогда было в порядке вещей. Совершенно нормальный поступок. Была там одна девушка, которая меня навещала, и, конечно, по ее поводу уже в больнице мужики стали говорить гадости. На самом деле, это была только дружба, ну а потом она стала женой моего друга Юлия Григорьевича Липеца. И умерла раньше его. Лера Панфилова. Ну о ней мы тоже, может быть, как-нибудь вспомним. Она была из этой самой «Дружной шестерки», которой мы ходили в поход, такая микрогруппа. Помимо нашей «Дружной шестерки» у нас были разные микрогруппы студентов. Наконец, были такие группы студентов, которые выглядели как семьи, у них была мать и дети, такие вот были роли у них. Иногда мать была с более старшего курса, иногда не обязательно. Видимо, никаких особых событий на втором курсе я, кроме этого, не припомню.

Вот наступает весна, и мои товарищи защищают курсовые работы. Я пришел послушать, а у меня никакой курсовой работы нет, никто об этом не знает. Профессор Степанов, такой пылкий очень, пылкий холерического темперамента человек, который, между прочим, прожил сто лет с половиной. У нас среди географов есть несколько долгожителей: Степанов жил сто лет, Щукин, профессор-геоморфолог — сто лет, Мария Альфредовна Глазовская, которой в этом году идет сто второй год, она жива. Не знаю, может, что-то случилось за последние дни, я в Интернет не смотрел, но весной этого года она свое 101-летие уже отметила. Еще у нас есть Долгушин (*неразборчиво*), четвертый человек, он еще жив, ему уже за сто лет. По крайней мере, весной этого года было. И вот защищают они курсовые работы. Тогда к этому относились очень серьезно. Курсовые работы, во-первых, всегда были уникальными. Никто никогда не списывал те работы, которые были раньше. Во-вторых, они хранились в архиве неопределенно долгое время, никто их не выбрасывал. В-третьих, их объем не был регламентирован. Были такие гении, которые писали курсовые работы и по много десятков, и по сотни страниц, и никого это не пугало. И в-четвертых, их начинали писать с самого начала первого курса, а не спохватившись где-нибудь в феврале, только перед защитой. В-пятых, их защиты бывали довольно поздно, в апреле, в самом конце. В-шестых, они были уже у первокурсников, а не только второкурсников. На первом курсе, как вы знаете, я не написал курсовую работу, потому что я в ней увяз, увяз в литературе, не понимал, что от меня требуется, не умел еще выделить главную идею, генерализовать материал. Здесь же я написал трактат.

Ю.С.: А почему вы называете это трактатом?

Б.Р.: Ну потому что как это назвать? Это же не монография все-таки. Я сейчас вам покажу ее физически. Она вот лежит у меня, тетрадь. Сейчас покажу. Она была примерно толщиной в пять обших тетрадей. Наверно страниц 150 тетрадных, вот так примерно. Я во время этого интервью не отвлекался на то, чтобы показывать какие-то книги, сочинения. Вот я покажу сейчас, достаточно шкаф открыть... Так вот. Значит так, профессор Степанов говорит: «Кто следующий? Да-да, вы, — мне говорит. — А у вас какая курсовая работа?» Я говорю: «Никакой». — «Как никакой? А вы откуда, из какой группы?» Я говорю: «Да вот, я из этой». — «Как это так?» Я говорю: «Вы знаете, тут у меня есть одно сочинение, я вот его всю зиму писал». — «Да-да. Так покажите его скорее, покажите». Ну вот я так и сделал. Я показал это сочинение Юлиану Глебовичу Саушкину, нашему заведующему кафедрой, который был учеником, любимым, конечно, Николая Николаевича Баранского. Николай Николаевич Баранский уже, кажется, к этому времени не был заведующим нашей кафедрой. Уже не был и директором Географгиза, то есть, он командовал, когда что-то начинал. Но он был самым авторитетным профессором на геофаке МГУ. Ему все подчинялись, его все слушались. Никто ему не смел перечить. И вот Саушкин воодушевился, увидев это сочинение, и понес его к Баранскому. Мне это сразу же зачли задним числом как курсовую работу, зачли в мае или в июне, это не составляло труда. Конечно, пятерку поставили. Еще я должен сказать, что в начале второго курса я чуть-чуть дружил со своим однокурсником Юрой Макаровым, и он мне сказал, что он прочитал в «Вопросах географии» статью Баранского на тему «Больше внимания искусству географического описания!». О том, что искусство географического описания забыто в наши дни, никто не может, конечно, написать, как когда-то писали классики, а все заняты мелкими темами. Но эта задача-то остается. Географического описания нашей страны сравнимого с тем, что было при Семёнове-Тянь-Шанском, нету сейчас. И меня это воодушевило, и мы с Юрой тоже пришли к выводу, что этим надо заниматься. Под влиянием этого разговора я и писал вот этой свой трактат, который Саушкин озаглавил «Структура географического описания».

Что было дальше: Баранский, увидев эти тетради, отправил их на то, чтобы их перепечатали на машинке. Я красными чернилами разметил все необходимое для машинистки, написал подробную инструкцию. Мне в машинописном бюро ее за счет Баранского перепечатали, переплели. И она у меня теперь есть как в переплетенном виде, так и в рукописном. Баранский очень уважительно отнесся ко мне. Он сразу ошарашил меня вопросом: «Знаете ли вы французский язык?» Конечно, я не знал. Конечно, читал ли я Видаля де ла Блаша и других классиков? Ничего этого я, конечно, не знал. Но, тем не менее, с тех пор я стал фаворитом кафедры, и в награду за проявленную склонность к научной работе меня отправили на лето не на учебную практику во Владимирскую область, где под руководством доцента Ковальской студенты разъезжали по Владимирской области и описывали ее предприятия разные, колхозы и все. Отправили сразу в Прикаспийскую экспедицию НИИ Географии МГУ.

Но сначала я покажу эту курсовую работу. Вот, с которой на белом коне я въехал в географическую науку. Вот как она выглядела. Нашедшего тетрадь прошу вернуть владельцу по адресу... Дальше отметки для машинистки красным, вот это инструкция для машинистки. Красным — это то, что для машинистки. Вот содержание: введение, предмет географии, сущность страноведения, прямые задачи страноведения, примерный план географического описания, сновные разделы плана, единство анализа и синтеза, взаимосвязи, историзм, линейный порядок изложения, региональные части географического описания, метод маршрутов, метод очагов, метод районов, принципы комплексного районирования, отличия страны от района, о неравномерности географического содержания территории, оценка полноты содержания географического описания, карты, люди и цифры, язык, практическое значение географического описания, источники и авторы географического описания. И того здесь в оригинале было около 150 страниц.

Ю.С.: Борис Борисович, это ведь компиляция была или нет?

Б.Р.: Нет! Какая же это могла быть компиляция! Это мое собственное сочинение, я высказывал свои мысли.

Ю.С.: Оглавление очень какое-то взрослое, продуманное.

Б.Р.: Я написал это потому, что я думал о том, в каком порядке... Вот этот текст. Можно посмотреть.

Ю.С.: Вот вы сказали, что въехали в географическую науку. Это значит, что дальше это осталось каким-то...

Б.Р.: Ну это же развивалось в моих последующих статьях, которые я уже писал в более взрослом состоянии.

Ю.С.: А вот смотрите, как интересно. Вот здесь на титульном листе сначала руководитель Саушкин...

Б.Р.: Потому что я думал сначала, что Саушкин, но потом оказался Баранский. Саушкин меня как бы ему передал. Но это было лучше. Саушкин был заведующим кафедрой, а Баранский был богом, который был выше этого. Он сидел там у себя дома, в основном, он был уже старый. О Баранском много интересного можно сказать, но наверное все-таки это не наша тема сейчас.

Ю.С.: Я думаю, что наша.

Б.Р.: Наша, да? Ну, хорошо. Николай Николаевич Баранский был урожденный сибиряк, но потомок ссыльных поляков. Фамилия у него все-таки польская. «Бараньски», так, если писать по-польски. И хотя себя он, собственно, поляком не считал.

” Он был ультрамарксистом, и считал, что марксизм и коммунизм не совместимы ни с какой этничностью. То есть он не признавал «национальность» у людей вообще.

Он был сибирский самородок. У него было очень крепкое телосложение. Он был богатырем, основателем Социал-демократической партии Сибири, которая потом слилась с РСДРП. И произошло это на Таммерфорсской конференции, где он познакомился с Ульяновым и с Джугашвили, по-моему, или с кем-то из них. Я сейчас, конечно, уже историю партии так хорошо не знаю. И раньше не особенно интересовался. В общем, он был их соратником. Конечно, всегда задают вопрос,

почему он не был репрессирован. Вот почему-то не был. Может быть, Сталин его любил. Сам Баранский о себе говорил так... Да, надо сказать, что к моменту Октябрьской революции Николай Николаевич Баранский уже изрядно отошел от партии. Возможно, что он уже и вышел из РСДРП, которая была до революции. И проявлял уже себя как экономист. Он написал изумительное монографическое описание села Чистюньки в Алтайском нынешнем крае. Это тоже считается шедевром. Вплоть до отдельного человека, до каждой коровы, до каждой курицы. Это же тоже не всегда бывает. Все это было опубликовано. Потом он как экономист и экономгеограф как самоучка был, потому что — я не знаю, что он там кончил, — он мне рассказывал, как он, будучи в своем родном, кажется, Томске или где-то, он убил человека в первый раз в жизни.

” Я у него спросил: «Убивали людей?». Он сказал: «Да». Он говорит, что за ним шел какой-то там шпик, и он его завел в место, где было много оврагов. Потом, говорит, его стукнул как следует кулаком и спихнул труп в овраг. И сказал: «Вы знаете, — говорит, — ну хоть бы какие-нибудь угрызения совести бы у меня были. Хоть бы он приснился мне. Нет, убил, как муху, и не сожалею об этом».

Но одна из его жен, Лопатина, говорила: «Нет, врет он все и вообще придумывает». Так что я не знаю, как относиться к этим рассказам, но скажу вам, что когда Баранский рассказывал это, а он рассказывал это многим, особенно, девицам, которые приходили к нему в качестве курьерш, а иногда и оставались у него после этого, то это, конечно, звучало. Вид у него был соответствующий, у него были пышные усы. Рассказывали, что когда еще он жил в одном из московских арбатских переулков и уже страдал пороком сердца, он увидел, как какие-то хулиганы пристают к молодой парочке, он их тоже своими кулаками укротил. Но после этого, правда, сел на тротуар и за сердце схватился. В общем, Николай Николаевич Баранский был основателем издательства Географгиз.

” О себе он также рассказывал, что на него писали очень много доносов, у него было много врагов. И когда, говорит, доносов стало столько, он показал вот... (показывает) Сталин сказал: «Баранского не трогать».

Вот так он уцелел. Но все-таки полным академиком его не сделали, он был членкором. Когда мы за год до его смерти навещали его в Узком, в санатории, где он был на птичьих правах. Горничные намекали ему, что он все-таки не академик, а всего лишь членкор и соответствующим образом ему хамили. Он тогда уже был на отдыхе от всякой работы. Он тогда уже терял память. В моем возрасте нынешнем, в котором я сейчас, мне 82 года, он был уже несколько менее трудоспособен. У него склероз уже был. Поэтому когда к нему приходила моя однокурсница Юля Ласис, он ее спрашивал: «Девушка, а чем вы занимаетесь? А кто вы?» — «Да, Николай Николаевич, я ваша аспирантка». — «Да-да-да. А чем вы занимаетесь? Пишете ли вы что-нибудь?» Вот в таком духе был разговор. Надо сказать, что последний год или два, но не более, жизни у него на столе было уже пусто, и он смотрел телевизор.

Ю.С.: Как я.

Б.Р.: До этого я еще не дошел. Юра, тебе 60 лет, ты мне сейчас говоришь, что человек, который внезапно отстранен от работы, быстро умирает. Я не знаю, если ты был привычен к тому, чтобы быть директором и командовать. Для меня, например, переход на пенсию абсолютно не означал бы никакого изменения в моей жизни. Я как не ходил ни в какие учреждения, так и ходить не буду. Я оттого, что мне будут меньше звонить и дергать, нисколько не помру.

Ю.С.: А у вас с Баранским какие-то разговоры о науке были?

Б.Р.: Да, были разговоры о науке. Его замечательные слова я помню. Запомнились только афоризмы.

” Он говорил: «Ученый и чиновник не совместимы. Ученый стремится к независимости, а для чиновника это качество губительно». У него было самое сильное ругательство — это «чиновник».

Он страшно не любил бюрократию. Он слово «чиновник» произносил с омерзением, хотя в те годы, может быть, бюрократии было гораздо меньше.

Ю.С.: Но он ведь сам командовал: он был зав. кафедрой много...

Б.Р.: Да, как видите, так, в общем...

Ю.С.: ...директором Географгиза.

Б.Р.: Да, это было так. Но в этом есть какой-то парадокс, конечно. Но не так уж много он командовал, скоро он это передал Саушкину. Но характерно, что вот отзывы на нашу работу, на мою работу — они писались просто чернилами, на обыкновенной бумаге. Нигде не заверялись, ничего, и все это... может быть, в этом экземпляре нету нигде? Формальностей было меньше.

Ю.С.: Ну, понятно.

Б.Р.: Так, значит. Я поехал в Прикаспийскую экспедицию МГУ. От НИИ географии МГУ. Дело в том, что в те годы наука была отделена от факультетов наполовину. На каждом факультете был научно-исследовательский институт. На геологическом факультете — НИИ геологии МГУ, там работали те же преподаватели, но структура это была как бы автономная. Ну, потом

это дело ликвидировали, распределили по кафедрам. Ну, в общем, как существование этого института — НИИ географии, так и его ликвидация — это яркий пример того, что чиновники у нас без конца занимаются реорганизацией: то сливают, то разделяют одни и те же, вот, всякие структуры. И они продолжают это делать и в наши дни. И вот, тогда был НИИ географии МГУ. И в нем были все те же отделы, аналогичные, что и кафедры. Вот, у нас было десять или двенадцать кафедр: океанологии, гидрологии суши, экономической географии СССР, экономической географии зарубежных стран, картографии, геоботаники и так далее. И в НИИ географии МГУ тоже были такие же отделы. Но помещался он отдельно, потому что маленькое было здание Геофака МГУ, а НИИ помещался в другом конце университетского корпуса, на улице Герцена.

И вот, меня послали. Моим начальником был аспирант Крючков, бывший фронтовик. Ко мне он относился скептически. Умер недавно, в прошлом году, но свое отношение ко мне он не изменил за восемьдесят лет своей жизни ни в малейшей степени. Он считал, что я несерьезен, в путешествиях я как турист и, конечно, я неглубокий человек, в общем, и он был прав по-своему. По-своему, он был прав.

Ю.С.: Ну, а вы как-то пересекались с ним по жизни, по работе потом? По науке?

Б.Р.: Ну, у нас с ним хорошие отношения были. Я еще... уже в возрасте пятидесяти лет в одной лаборатории с ним сидел: он писал свое, я свое. Он крупнейший специалист по географии сельского хозяйства, ученик Андрея Николаевича Ракитникова. Андрей Николаевич Ракитников, по-моему, даже немножко замешанный чуть ли не во Временном правительстве, в общем, в годы революции сидел тихо мыши в ожидании ареста. Он прожил всю свою жизнь, не женился, сидел тихо. Он был соратником Чайнова и Кондратьева, был из той плеяды. Ну, тоже почему-то уцелел, и он под арестом никогда не был. Но сидел тихо, в партию не вступал. Был старшим научным сотрудником. Формально, возможно, даже не был профессором, или стал им очень поздно. Скорее всего, в те годы, когда я учился, он еще профессором не был, он был доцентом. Но это считается крупнейший специалист по географии сельского хозяйства. Конечно, приспособленный к той, социалистической экономике, но содержащий в себе... но ведь и кондратьевские многие идеи тоже были приспособлены именно к социализму. Поэтому содержащий в себе множество ярких идей, которые до сих пор не реализованы, которые невозможно реализовать ни при рыночной экономике, ни при социалистической, но с такой, с эколого-биологической, гуманистической точки зрения очень, так сказать, сильные идеи. О том, что каждый регион, как и каждый человек, должен заниматься, прежде всего, тем, чем может заниматься только он один. А уже все остальное... То есть, короче говоря, не надо выращивать помидоры и рубить тропические леса для этого, чтоб помидоры выращивать. Потому что помидоры можно в другом месте выращивать, а такие уникальные тропические леса есть только в данной точке земного шара. Мы знаем, что рыночная экономика не следует этому правилу. Он полагал, конечно, что, может быть, при идеальной социалистической экономике все возможно. Мне трудно оценивать, конечно, его работы, я только хочу сказать, что Андрей Николаевич Ракитников был очень честным...

Ю.С.: А вы его лично знали?

Б.Р.: Ну, конечно, Андрей Николаевич Ракитников был нашим руководителем научным, в нашей Прикаспийской экспедиции МГУ. В Прикаспийской экспедиции МГУ было много светил науки из института, из Тимирязевской академии. Это была очень комплексная экспедиция, с целью, видимо, подъема хозяйства Прикаспийской низменности. Там и геологи были, в общем, все было серьезно.

Ю.С.: А вот, извините, а кто в то время... академическая география в Академии наук была?

Б.Р.: Тоже, она тоже процветала.

Ю.С.: Тоже была?

Б.Р.: Конечно.

Ю.С.: А вот как-то с вашей экспедицией сотрудники Академии...

Б.Р.: Мне трудно сказать сейчас конкретно, но, по-моему, что-то пересекалось. В общем, я какой-то конкуренции... Но эта экспедиция, в данном случае, она была...

Ю.С.: Нет, какие-то связи, я имею в виду.

Б.Р.: Конечно, были. А из кого состояло, как это сказать, поголовье людское Института географии? Исключительно из выпускников Геофака МГУ. Откуда же еще они брались? Перед каждым ученым была альтернатива: или остаться на Геофаке МГУ с преподавательской нагрузкой, или без таковой, что гораздо лучше, работать в Институте географии. Конечно, они постоянно переплетались. А в составе Ученого совета Института географии, наверное, одна треть была людей с Геофака МГУ, и наоборот. Поэтому Институт географии наш родной, параллельное учреждение. Мы в нем тоже принимали участие во всем.

И вот мы изучали дельту Волги. Это было изумительно, потому что дельта Волги — это такой район природный, как и вообще все дельты, который совершенно неизвестен подавляющему большинству нашего народа и наших чиновников. Они вообще даже не мыслят себе ничего подобного, насколько это все своеобразно. Вот эта дельта Волги, которая тогда подвергалась паводкам, они заканчивались только в конце июня. И к этому времени девяносто процентов территории было занято водой, а вся жизнь, люди, находились на бэровских буграх — это на таких глинистой поверхности холмах. Тебе понятно, что это такое?

Ю.С.: Ну, не для меня: бэровские бугры, скажите просто... Вы их называли...

Б.Р.: Это геоморфология, конечно, Карл Максим Бэр, который одним из первых ученых исследовал этот район, он их так и назвал. В центральной части дельты бэровские бугры представляют собой такие вытянутые в основном с юго-запада на северо-восток очень крутосклонные холмы глинистые. А на вершине холмов, где нет практически никакой растительности, располагаются дома, деревни. Все деревни наверху. Все остальное заливается. А в остальное время это плодотворные луга. Луга, на которых пасется скот, рыба ловится.

Волга прежде, чем впасть в Каспийское море, согласно хрестоматии, разделяется на пятьсот рек. Пятьсот рек. Каждая... пятьсот проток, каждый из которых называется рекой. И каждая течет к Каспийскому морю дальше и дальше. По названию их не менее пятисот. Главная — это река Бахтемир, она через Астрахань течет. Не знаю, сейчас... пользуются ли сейчас астраханцы этим названием...

Ю.С.: Как?

Б.Р.: Бахтемир.

Ю.С.: Бахтемир?

Б.Р.: Да, это персидское название. Бахтемир — это главный рукав Волги, которая течет... Астрахань находится на левом берегу. Город Астрахань, конечно, существовал и до русской колонизации как Хаджитархан, немножко в другом месте. Там Кремль один из старейших, XVI века. Астрахань — это, как я ее назвал, «Венеция из щепок».

Ю.С.: Венеция из?..

Б.Р.: Из щепок...

Ю.С.: Из щепок?

Б.Р.: Да. Потому что это был город тогда совершенно деревянный. Все деревянные дома. Лес очень дешев. Понятно, почему?

Ю.С.: Ну, сплав? Его разбирают...

Б.Р.: Конечно. Товары-то поступали на баржах, а баржи разбирались не только на дрова. Они строились с таким, видимо, расчетом, чтобы быть проданными на стройматериал. Поэтому, значит, масса деревянных домов. Сейчас, когда это говоришь, люди не понимают, они этого не знают. Не знаю, знают ли это сами астраханцы. Моя жена, Таня Казарова, несколько раз ездила в Астрахань. Но ее эти мои рассказы совершенно не трогают, ничего подобного она там не видела.

Тогда, помимо этих рек, остров, на котором стояла Астрахань, весь был изрезан каналами, искусственными и естественными, которые назывались «ерики». Во множественном числе, правда, «ерика́», они говорили. В единственном числе — «ерик». И вот на берегу этих ериков стояли избы. В каждом доме был ветряк, ветряной двигатель, который качал воду для орошения, потому что все было только поливное, только поливное, ничего сверху, на дожди рассчитывать нельзя. Вот эти самые непосредственно с помощью механической передачи... это был не электродвигатель, не электрогенератор, а просто механически.

Ю.С.: Это что, еще во времена вашей практики вы все это застали?

Б.Р.: Да, в пятьдесят втором году, этих ветряков были тысячи и десятки тысяч. Они везде были, абсолютно везде. Вот. Я не знаю, кто сейчас это знает, кто это видел...

Ю.С.: Никто не знает, ничего не видел.

Б.Р.: Ну, вот, я же не виноват, что это так наша жизнь устроена. Пятьдесят второй год это был. И вот, значит, эти «ерика́»... у всех лодки, конечно. И такие, гребные, и моторные, с моторами. То есть это такая прямо Венеция. Правда, это не такого типа Венеция, как сама Венеция, где дома на сваях стоят в самой воде. Этого нет, они стоят на суше. Но все равно они связаны с такими каналами.

Ю.С.: Вы упомянули, что лодки моторные?

Б.Р.: Да, они тогда уже были.

Ю.С.: Уже были, да?

Б.Р.: Были. Моторные-то лодки были, конечно. Я не знаю, сколько... ну, парусных я особо не видел. Ну, рыболовство. В низовьях... Значит, астраханская кухня. Обычный обед — это рыба жареная, картофель отварной, помидоры. Если суп — то, конечно, уха. И арбуз. Наша база, наша экспедиция помещалась не в самой Астрахани, а на правом берегу, который тогда формально не входил в Астрахань. Это место называлось Трусово.

Ю.С.: Село?

Б.Р.: Село Трусово. Село большое, как везде на юге. Там много улиц, стоят дома. Никаких мазанок, никаких хат. Все дома деревянные, крыши тоже чуть ли не из досок. Большие дворы, растительности на улицах почти никакой.

Ю.С.: А дома такие, солидные? Или...

Б.Р.: Солидные. Солидные дома, из бревен, как на севере. И конечно, когда я побывал в Архангельске, как я их сравнивал, боже мой! Потому что Астрахань и Архангельск — это как два полюса. Как два полюса. Как они похожи! Вот у них эти самые деревянные дома, деревянные тротуары тогда были, как здорово, и они на концах одной водной системы. И как хорошо прокатиться от Архангельска до Астрахани. Такое счастье было только моему отцу дано, когда он на барже «Немирович-Данченко» поехал... пошел, вернее, по воде в тридцать восьмом году от Архангельска до Астрахани. А мы с мамой участвовали только в отрезке от Нижнего Новгорода до Царицына (от Горького до Сталинграда).

Так что, конечно, Астрахань меня, прежде всего, потрясла как город. На правом берегу в Трусове какая-то улица, я забыл, дом 12, наш завхоз Храмов снимал двор. Крестьянский, у местных жителей. Храмов был неизменным завхозом многих экспедиций Геофака МГУ. Описываемые события в пятьдесят втором году происходили.

Я также с Храмовым был в экспедиции в аналогичной в шестьдесят первом году. После этого еще. Был это человек, на мой взгляд, конечно, пожилой, поскольку я еще был студент. У него... я думаю, может, ему не больше шестидесяти было, или даже

пятьдесят только. Но он всегда снимал очень мастерски базы экспедиций. Это вам интересно слушать?

Ю.С.: Да!

Б.Р.: Снимал так. Чтобы там хозяйкой была женщина, еще не очень старая. Ну, может быть, сорок пять лет — сорок семь, так. И чтобы у нее была молодая дочь, тоже взрослая. И он жил с обеими. Да, он был любовником обеих этих женщин. У него такая была установка. Так было в Астрахани, так было и в Павлограде, уже в 1961 году. Вот. Храмов...

Ю.С.: Ну, он был такой красивый дядька?

Б.Р.: Ну, я же не могу судить за женщин. Наверное, им нравился он. Ну, крупный. В общем, он был властный человек. Но с местными отношения у него были нормальные, ничего, собственно, он с ними не пересекался.

Ю.С.: А экспедиция большая была, сотрудников много?

Б.Р.: Да, очень большая. И всех я никогда не видел, потому что они все были в поле. Никогда они не собирались вместе в одном доме, никогда... мне, собственно говоря, и неизвестно было, кто там еще задействован. В какой степени там привлечены люди, вот, с тех же других организаций, с Тимирязевской академии, из Института кормов, из ВАСХНИЛ и, может быть, из Института географии. Колоссальное количество литературы вышло, колоссальное! Я думаю, что сотни томов.

Ю.С.: Ну, вот, вы конкретно работали: был какой-то отряд небольшой?

Б.Р.: Да, экономико-географический отряд, мы изучали колхозы.

Ю.С.: Ну, вот сколько вас там было, в этом отряде?

Б.Р.: Нас там было три или четыре человека. Значит, был... Или, может быть, даже трое. Сева Крючков, я и девушка Алла. Вот. С девушкой Аллой у меня хорошие, дружеские отношения установились, ничего такого. Она меня тоже как-то опекала. Она на меня смотрела, естественно, не как на мужчину, а как на такого мальчишка, сопляка. Какие-то сложности я доставлял, в целом, в общем, не все было гладко.

Крючков не был доволен мною. Он считал, что я отвлекаюсь на ерунду, что я тщательно и серьезно не исследую колхозы. Меня заносит куда-то. На самом деле меня и заносило в сторону теоретической географии. Потому что главным моим открытием в это время была универсальная пространственная зональность. А именно: я объединил в своих представлениях все виды зон и все виды слоев, включая геологические и почвенные, включая антропогенные, пригородные зоны в одну систему. То есть это такие части пространства, качество которых меняется в зависимости от положения. Они всегда вытянуты в виде каких-то полос. Как правило, на идеальной модели, как я потом открыл, они концентричны. Они все концентричны, по сути дела, иными они быть не могут.

Ю.С.: Это положение относительно друг друга?

Б.Р.: Нет, относительно центра.

Ю.С.: Относительно центра?

Б.Р.: Да. У них всегда есть центр. Или это центр Земли, или это... ну для всех горизонтальных слоев, собственно, центр Земли же является, от которого они... Вот. А то, что мы видим в жизни, — это результат деформации. То есть под влиянием различных сил они деформированы. Но в идеальной модели они концентричны.

В дельте Волги было что? Во-первых, сам регион, как сейчас говорят, был частью такой природной зоны по берегу, и другой частью природной зоны полупустыни. Есть такая природная зона. Есть зона пустыни, полупустыни и зона сухих степей. Или подзоны. Но это первая. Первый вид зональности. Второй — это зоны различной продолжительности паводка. От этого очень многое зависит. Есть территории, которые никогда не затрагиваются паводком, есть которые затрагиваются недолго, есть которые долго. Везде свой тип растительности. Дальше — зоны, которые зависят от пасторальной депрессии, вокруг колодцев. Это уже в степной части территории. Не в дельте, а в степной части, которая в то время была в Астраханской области. Сейчас она частично возвращена Калмыкии. Калмыков не было, они были в это время в депортации. От них оставался только калмыцкий чай, которым нас угощали. Калмыцкий чай мне очень понравился: я сразу выпил целый литр.

Ю.С.: А кто ж там, русские были?

Б.Р.: Да. Казахи. Казахи. Население дельты Волги состояло из русских, казахов и татар. По литературе мне известно, что до революции у них было замечательное разделение труда: каждый из них занимался своим делом. Все это я тоже учел, и до сего дня я развиваю эту идею, а именно, об этнической специализации. В нашей стране, как и во многих восточных империях, существовало хорошее этническое разделение труда: разные этносы занимались своим делом.

Ю.С.: Ну, вот, какой пример для дельты Волги?

Б.Р.: Дельта Волги — пример блестящий. Русские занимались рыбной ловлей. Это их любимое занятие — рыболовство. Это этническая специализация, склонность русских. Вы знаете, что на досуге у нас все начальники, бюрократы — они, прежде всего, ловят рыбу. И сам Путин недавно поймал щуку, но говорят, он завидует Лукашенко, потому что Путин поймал щуку в десять килограмм, а Лукашенко сома подбросили из КГБ весом в пятьдесят килограмм. Поэтому говорят, что Путин волнуется и хочет перекрыть рекорд Лукашенко. И так, мы знаем, что наша, так сказать, кондовая бюрократия — она обожает ловить рыбу. Значит, так. И именно рыболовство было стимулом присоединения Астрахани и всего Поволжья к России. А также оно является причиной того, что река, которая впадает в Каспийское море, называется Волга. Потому что Волга — это название финское, которое употреблялось к реке, которая течет, ну, по крайней мере, до Нижнего Новгорода. А дальше живут другие народы. Но особенно после впадения Камы — это уже река, она известна была у тюркских народов, как Идель.

Ю.С.: Итиль?

Б.Р.: Да. Идель — это тоже вариант слова «Итиль». Мы привыкли к слову «Итиль» по учебникам географии. Так поэтому по некоторым данным, река Идель, или Агидель — она начинается там, где река Белая, а потом она... По другим вариантам, который в Перми сейчас очень популярен, река великая начинается в Перми, что это Кама, а в Каму справа впадает Волга. А по некоторым данным, что вообще Ока — это главная река, потому что... ну, это вопрос скорее лингвистический. В Нижнем Новгороде говорят, Ока имеет большую мощность, чем Волга. Это, собственно говоря, не географическая проблема.

” Русские тогда в погоне за рыбой, потому что русская колонизация — это же всегда снятие сливок... Это не для того, чтобы что-то поднимать. Это соболь в Сибири и рыба на Волге. Рыба к царскому столу, икра. Вот, за этим гнались, и название «Волга» продлили просто, продлили до Астрахани.

И в русской географии она стала Волгой называться, хотя у тюркских народов она и сейчас называется по-разному. Идель...

Ю.С.: А татары?

Б.Р.: Значит, русские — рыболовство. Татары занимались огородничеством: они снабжали всех овощами и фруктами. Бахчевые — особенно...

Ю.С.: При вас это было в пятьдесят втором?

Б.Р.: Да, это уже было. Причем, было в той степени...

Ю.С.: Вернее, не уже, а еще было?

Б.Р.: Не еще... в отношении казахов — это было на сто процентов...

Ю.С.: Нет, казахи — скотоводство...

Б.Р.: Конечно, и никто другой их заменить в этом не мог.

Ю.С.: А татары?

Б.Р.: Ну, татары от русских уже мало отличались. Тут уже в мое время это роли большой не играло.

Ю.С.: То есть в пятьдесят втором году, вот, у них была какая-то специализация, что они овощеводы — татары?

Б.Р.: Это уже было, как и у русских, уже не было никаких различий особо...

Ю.С.: Не было.

Б.Р.: Не было, да.

” До революции было больше так. А тогда уже все одинаково. И русские от татар мало отличались по своему образу жизни. Не говоря уже о том, что никаких мечетей там не было: в советское время это не позволялось, никакие мечети. Так что татары свинину ели, потому что у них и свиньи в деревнях татарских были, те еще свиньи. Казалось бы, как это с исламом сопрягается? Свиньи ужасные, черные, тощие, мохнатые, худые!

Потому что я помню, правда, это был уже следующий год... то есть не следующий, а через два года, когда я был в Прикаспийской экспедиции вторично, но у нас тоже был случай, когда шофер у нас зайца подстрелил. Да, у нас же еще шофер был, я забыл сказать, в экспедиции. Ведь за рулем не сидел сам Сева Крючков, хотя он имел, видимо, право. У нас был шофер местный. От шофера очень многое зависит, но не мне тебе об этом говорить, Юра.

Ю.С.: Да.

Б.Р.: Все зависит от того, какой у тебя шофер. Если бы я был руководителем экспедиции, разве я мог бы руководить отрядом? Там шофер же бы командовал. И девок всех шофер бы перетрахал, конечно, с их согласия. Так что, да, у нас был шофер. Сева Крючков, я, и эта вот Алла, кажется, Добровольская, ее фамилия. Она потом работала долго в Институте географии, и, может быть, она и сейчас еще жива. Почему бы ей не быть живой, женщине? Ко мне она относилась хорошо, вот.

Ю.С.: Ну, вот это ваше открытие — оно вас как-то... собственно, вот вы думали в эту сторону, а вам же надо было описывать эти колхозы?

Б.Р.: Да, но одно другому не мешало. Ну, вот, слушай, я потом скажу. То есть вначале действительно казалось, что от меня толку никакого не будет в этой экспедиции. И, конечно, ворчал этот самый... я вел себя как турист. Я писал письма, в основном, своей любимой девушке, в которую я влюбился, Юле Ласис, она потом вышла замуж за Хорева.

В основном я сидел, занимался тем, что писал ей огромные письма. Вы знаете, что в то время почта очень хорошо работала. Поэтому из любого села в любое село можно было написать письмо и получить ответ.

Ю.С.: Но утром надо было встать, отряд куда-то едет, вы должны были ехать...

Б.Р.: Это же очень просто. Везде была почта, везде почта хорошо работала, вы не можете сейчас представить. А Юля Ласис находилась в другом месте: она была в районе Енотаевска, на правом коренном берегу реки Волги, в Енотаевске, недалеко от того места, которое сейчас уже принадлежит Калмыкии. Но Енотаевск был и остался в России. Вот, там она была тоже в экспедиции, я писал ей туда письма. Но это не значит, что я получал от нее ответы: она не склонна была мне отвечать. Я, конечно, много сейчас дал бы за то, чтобы эти письма достать, но я не знаю, где они, потому что...

Я должен вам сказать, что мои сочинения опубликованные — только вершина айсберга, а большая часть моей литературы — это письма разным девушкам, которые пропали вместе с ними.

Ю.С.: Но эти письма были такие, как бы...

Б.Р.: Они были не любовные, я в них описывал эти зоны и вообще все, конечно, все эти свои идеи. Что я сейчас говорю — это бледный лепет, по сравнению с тем, что я мог сказать, когда я был моложе.

Так вот, эта зональность. Но это еще не все. Потом зональность вокруг Бэровских бугров. Есть вершина бугра, есть его склон, есть подножие, шлейф, дельтавиальный шлейф внизу. Дельтавиальный шлейф, потом пойма, потом пойменная терраса разного уровня. И как это интересно, когда ты едешь на машине или идешь по лугам, вокруг простираются луга, и вдруг по ним огромный пароход движется. Воды не видишь, а пароход видишь. По всем этим рекам, по многим рекам дельты Волги ходили пассажирские суда, они развозили людей — это же был главный вид транспорта.

Мы ездили на нашем грузовике. Но это значит, что мы ежедневно пользовались паромом. Паромы состояли из плота или баржи, огороженной перилами, через которые... на стороне, на борту с одной стороны были ролики, через эти ролики проходил канат. Трос. Концы троса были опущены в воду, основная часть троса была в воде. Лежал на дне. Ну, вот эта часть троса, которая проходила через паром. Все люди, которые ехали на пароме, — это не составляло для них никакого труда — брали крючки. Крючок этот они клали на трос и, опираясь на этот крючок... Ты это видел вообще?

Ю.С.: Нет.

Б.Р.: Ну, вот. Шли вдоль парома по направлению, кажется, к тому берегу, от которого двигались, то есть задом. Ну, все. А потом, дойдя до конца парома, со своим крючком, они возвращались на другой конец парома, опять клали крючок на трос. Причем крючок за трос вовсе не цеплялся: он просто клался на трос, и немножко надо было нажать. То есть, это было одно удовольствие. Конечно, если людей мало, то это было потяжелее. И вот однажды был случай, когда я, не спросив Крючкова, один стал переправлять нашу грузовую машину. Машина стояла на плоту, я взял крючок и начал ее двигать этим паромом. И в это время паром с одного ролика сорвался. И чуть было я вместе с машиной не уплыл в район Каспийского моря. Как-то его остановили, в общем, все. Но так больше никаких особенных приключений со мной не было. Да, кажется, еще я там заболел аппендицитом, врача вызывали. Пытался я по телефону разговаривать с некоторыми нашими друзьями. Дело в том, что у нас очень было понятие дружбы развито в те годы. Дружба, дружба. Мы все очень дружили. Наша группа, наши факультеты — это все было, так сказать, совершенным таким...

Ю.С.: А куда звонили? Все же на практиках?

Б.Р.: Ну, вот именно. С одной Майей Криницкой я как-то пытался тоже позвонить по междугородному телефону, но почти ничего не было слышно. А чтобы с родителями — ничего. Родителям, видимо, я писал. Маме письма, да, и папе. Ну, вот, в общем, так это все хорошо прошло.

Ю.С.: Но вам надо было какой-то отчет защищать?

Б.Р.: Конечно, конечно, отчеты. Так, значит, сейчас...

Ю.С.: Ну, хорошо, отчет вы опять защитили такой, обычный, или...

Б.Р.: Ну, подожди, подожди, здесь не мой отчет. Здесь мне предстояло писать курсовую работу по материалам практики. Отчет — это не мое дело, отчет Крючков писал.

Ю.С.: Понятно.

Б.Р.: Ну, подожди, еще не все. Завершилось это несколько странно. В общем, я сейчас... дело в том, что я могу немножко перепутать этот год со следующим, потому что я еще и в пятьдесят четвертом году был в Прикаспийской экспедиции. Значит, в общем, там я, по-моему, задержался до сентября. Но нам разрешалось же, у нас же учебный год начинался позже.

Я написал курсовую работу «Типы населенных пунктов в дельте Волги». «Типы населенных пунктов в дельте Волги». Я делил эти населенные пункты по этническому принципу и по административному. Не только по административному, да, и по хозяйственному значению. Это были центры колхозов, центры колхозов, центры совхозов, просто административные центры, села русские, казахские, татарские, естественно, со смешанным населением. И как ни странно, эта работа профессору Ракитникову очень понравилась. И поэтому я был реабилитирован в глазах Крючкова, что я был... Это было очень важным.

На данный учебный год моим руководителем оказался Андрей Николаевич Ракитников. Андрей Николаевич Ракитников был для нас в смысле честности, порядочности просто идеалом человека. И поэтому мне очень лестно и сейчас. Я эту курсовую работу не только сохранил, но она у меня в электронном виде есть сейчас. Я ее уже в электронный вид перевел и даже послал некоторым коллегам. Конечно, сейчас ее публиковать бессмысленно, но многое там есть. Но меня, конечно, что смущало: я очень хотел все это изобразить на карте. Но не было картографической основы. Эти карты были засекречены. А даже если бы я получил допуск или нарисовал бы такую карту, я бы сам не мог ей пользоваться, она бы лежала в спецчасти. А мне хотелось... как сейчас я представляю, зависимость этнического состава: красным цветом обозначить, там, русские населенные пункты, желтым — татарские, и так далее. Причем размеры кружков пропорциональны численности населения. Масштаб — в одном сантиметре три километра...

Ю.С.: Ну, это вроде бы общепринятые такие вещи?

Б.Р.: Да, но нарисовать такую хорошую карту... Ну и потом сил уже не было. Приняли у меня без карты работу. Причем тоже в рукописном виде, тоже потом на машинке перепечатали. Ее образец у меня тоже есть в архиве.

В общем, это была переплетенная и написанная чернилами работа. Переплетенная... тогда можно было так сдавать, вот, чернилами работа. Потом я тоже ее перепечатал на машинке, уже себе на память. У меня есть... и такого рода экземпляры тоже есть. Я все свои сочинения берег.

Ю.С.: Дальше начался третий курс...

Б.Р.: И вот так. Значит, весна пятьдесят третьего года. Какой это у меня курс? По-моему, еще второй. Значит, так. Пятидесятый, пятьдесят первый... Так, второй, да? Вот. Так, это, значит, был у меня третий курс.

Ю.С.: Ну, пятьдесят третий год — умер Сталин.

Б.Р.: О Сталине, пожалуйста, ради бога, сейчас скажем. Пятьдесят второй год... так, я пошел в экспедицию, значит, в пятьдесят втором... значит, год с пятьдесят второго по пятьдесят третий. Сталин. Сталин, «Дело врачей» — все это, так сказать, мы помним, прекрасно помним. Вся эта... вот, газеты читал я в те годы.

Ю.С.: А как это вот в университете было, на географическом факультете? Были же какие-то политзанятия...

Б.Р.: Ну, конечно же, конечно. Значит, были политзанятия. А, да, конечно, я что могу сказать: основы марксизма-ленинизма. Ну, у нас по вторникам на первом курсе был семинар, там, какой-то, в общем... мы... покойный друг Игорь Олейников писал, что, вот, «пессимисты ноют, что их заела среда, а нас заел вторник».

Ю.С.: Понятно.

Б.Р.: Что «пессимисты, мол, где-то всегда ноют, что их заела среда, а нас заел вторник». Потому что это было одно из немногих занятий, на которое надо было являться и заниматься этими вещами. Ну, и писали, конечно, всякие рефераты на тему о коммунизме, о том, что будет в дальнейшем. Причем, даже в одном я так и записал... не знаю, сейчас это можно только иронически к этому относиться... вы же знаете, наверное, что тогда было ежегодное снижение цен. Представили?

Ю.С.: Ну, было...

Б.Р.: Ну, как-то же все ухитрились: с одной стороны, цены снижали... ну, все это можно и сейчас проделать, если бы они захотели. Вот, значит, так. Снижались. Ну, я и посчитал, что когда совсем все станет бесплатным. Вот так вот, на полном серьезе. Эта самая преподавательница, с одной стороны, кивала головой, но с другой стороны, как-то тоже было понятно, что я зашел слишком далеко в таком неправдоподобном... Ну, при коммунизме же все будет бесплатно? — Да, все будет. — Ну вот, значит, недолго осталось ждать.

Ю.С.: То есть, вы рассчитали, когда будет коммунизм?

Б.Р.: Ну, да, примерно так вот. Пользовался брошюрой какого-то Лапина, который на эту тему что-то написал.

У нас преподавателем марксизма-ленинизма была некая Акиндинова, это татарская фамилия. Она отличалась тем, что свои седые волосы красила. Ну, в те годы же не было хорошей краски. Она красила их раз в две недели, в течение двух недель она линяла. Вот, меняла цвет своих волос.

Потом у нас уже на втором курсе был нелегальный журнал «Пылесос». Он был в тетради. Тетрадь эта у меня сейчас лично сохранилась, но не весь журнал. Там всякие стихотворения писались. Я говорил на прошлом своем выступлении перед тобой, что преподаватель геодезии Дензин — о нем было стихотворение в журнале «Пылесос» у нас написано: «Не диво, что всегда студентов клонит в сон / На лекциях его. Но то одно, что он / Сам не заснул от собственного чтенья — / Гораздо большего достойно удивленья». Журнал этот высмеивал и преподавателей марксизма, Акиндинову тоже: «Акиндиниха что-то бормочет...» Про ее линяющие волосы было. Ну, и разные там наши личные пикирования там были, в этом журнале. Акиндинова была, конечно, очень примитивной женщиной. На втором или третьем курсе ее заменили на Зою Петровну Игумнову. Это была, все-таки, как-то получше, поинтеллектуальнее. Она была, по-моему, женой какого-то нашего министра. Но она нам очень картинно рассказывала, как Ленин умирал, и как все рыдали, и сама при этом слезу пускала.

Теперь что касается смерти Сталина. Я решил, что... Значит, так. Я в эту толпу никоим образом не кидался, которая, там, Сталина хотела хоронить... У меня был другой план. Странный, конечно, очень план. Так как мы вспомнили, что... вернее, там было объявлено, что в тот момент, когда Сталина будут опускать в гроб, то будут гудеть все заводы и фабрики.

Ю.С.: Да.

Б.Р.: Ну так вот, мы тоже решили, что это нельзя пропустить, и с моим приятелем Витей Тихомировым мы решили поехать в Автозаводский район Москвы, где больше всего заводов и фабрик. Чтоб послушать это гудение. В общем, странно: в этот момент мы были на мосту. Ничего особенного там не было.

Ю.С.: Не слышали?

Б.Р.: Не, ну, что-то слышали, но абсолютно никакого впечатления. Так что мы не лезли никуда. Вот.

Ю.С.: Ну а... не лезли — это понятно. А что говорили между собой? Ну, я не знаю, дома? С папой? С мамой?

Б.Р.: Ничего особенного не говорили...

Ю.С.: Ну, все же, вроде, это восприняли...

Б.Р.: Ну, ахали немножко, что же будет дальше. Но ничего особенного. Я сейчас не могу припомнить. В первую очередь, преувеличивают значение этой политики в жизни людей. Ну, ничего. Газеты читали, да, частично была реабилитация...

Ю.С.: В воспоминаниях Сахарова — там он... вот, как смерть Сталина — это было просто...

Б.Р.: Что? Потрясением?

Ю.С.: Да, да, да.

Б.Р.: Особенным потрясением не было это для меня. Не могу сказать. Теперь, значит, что? Возвращаемся немножко... Вот, как раз весна пятьдесят третьего года была событием в моей творческой жизни. Значит, как я пишу в своих воспоминаниях, что весной пятьдесят третьего года я шел по уставленному столами широкому коридору старого здания Геофака на Моховой улице, где потом помещался психологический факультет. И там я увидел, как Александра Ефимовна Федина, хорошенькая аспирантка, фаворитка, так скажем прилично, профессора Гвоздецкого, чертила карту районирования Кавказа. Там, как, на Кавказе было выделено десятка два разных провинций физико-географических. И она раскрашивала эту карту. Акварелью. Вот, я посмотрел, как она раскрашивает, пришел к выводу, что раскрашивать надо иначе. Потому что Кавказ... а мы уже слушали к тому времени физическую географию Кавказа, такой курс. Дело в том, что... ну, это было, в принципе, правильно: бессмысленно преподавать студентам в подробностях географию всего мира — это невозможно. Хорошо выбрать какие-то регионы, на примере которых... И вот, Кавказ был таким. Дело в том, что Кавказ очень симметрично устроен. Там с одной стороны на северо-западе — Таманский полуостров, с другой стороны, на юго-востоке — Апшерон. Аналогия есть. Есть аналогия в геологическом строении: там поднимается хребет, тут опускается. Кавказ четко делится на западный, средний, восточный. Большой Кавказ делится. Теперь аналогично провинции Кавказа, на северном склоне и на южном склоне, большого Кавказа. Потом дальше, на юге, в Закавказье мы видим с одной стороны, как у нас на западе, Колхидская низменность треугольником зеленым, на гипсометрической карте, на востоке — это Кура-Араксинская низменность, тоже зеленым треугольником на гипсометрической карте. Дальше, там идет Малый Кавказ. Все это до такой степени симметрично! Значит, аналогичны в какой-то степени Кура-Араксинская низменность и Колхидская. Аналогично, в какой-то степени, с субтропическими зарослями, (*неразборчиво*), хотя они разные. Четыре аналогичные провинции, по обе стороны хребта. И так далее. То есть там не меньше пяти или шести разных линий, по которым можно аналогии. И все это надо наглядно изобразить на карте. Раскраской, чтобы эта раскраска была не случайной, чтобы она показывала эту симметрию. И вот, я этим увлекся, я стал по-своему эти карты Кавказа рисовать, на базе контурных карт. Сейчас тоже можно их, наверное, найти. И вот, это и стало темой моей новой большой научной работы, которая называлась сначала «Районирование и качественный фон». «Качественный фон» — это способ изображения на карте, когда контур...

Ю.С.: Ну, получается, что вы себе все ваши курсовые, которые стали вашими работами такими, — вы их сами себе придумали?

Б.Р.: Конечно, сам себе придумал. Я сам только, абсолютно ни у кого тем не заимствовал. Сам придумал, а что в этом такого?

Ю.С.: Ну, обычно студентам дают темы.

Б.Р.: Ну, вот, не давали, мне на первом курсе не давали. Я взял, прямо никого не спросив, с коридора...

Ю.С.: На втором тоже придумали...

Б.Р.: Ну да, потому что я воспользовался тем, что читал книги... Вот так возникла такая тема, которая впоследствии называлась «Формы районирования».

Ю.С.: Как?

Б.Р.: «Формы районирования». Ну, собственно, под этим заглавием из двух слов никакая моя работа до сих пор не опубликована. Потому что монография на эту тему до сих пор не готова. И вряд ли она будет когда-то написана. Она разошлась по частям, по многим статьям.

Ну, хорошо. Пока о чем идет речь? Весна, у меня только задумана эта работа. Только задумана. Весна уже. А курсовая работа у меня весной пятьдесят третьего года защищается успешно по типам населенных пунктов в дельте Волги. Защищается курсовая работа, и возникает вопрос, чем мне заниматься дальше, в смысле, практикой. И вот именно романтические устремления, а не тематические, меня привлекли теперь ехать в Забайкалье.

Ю.С.: Ну, романтические — просто природа?

Б.Р.: Просто захотелось мне там побывать. И это вполне понятно. Что же это такое? Это тоже очень интересно и даже смешно. Это комплексная, Бурят-Монгольская экспедиция СОПСа. СОПС — Совет производительных сил при Академии наук.

Ю.С.: Да. Который Вернадский придумал.

Б.Р.: Да. Значит, тебе понятно, что такое СОПС.

Ю.С.: Ну, сначала был КЕПС, потом СОПС.

Б.Р.: Да, ну, хорошо. Я не знаю, для кого мы этот текст составляем...

Ю.С.: Мы этот текст составляем для тех, кто не знает, что такое СОПС, поэтому лучше сказать.

Б.Р.: Понимаешь, в чем дело, я сам тоже сейчас... для меня было бы слишком утомительно рассказывать еще об истории этого учреждения...

Ю.С.: Да не надо об истории...

Б.Р.: ...которое называется СОПС. Пусть смотрят в Интернете. Потому что если мы будем так на все отвлекаться... Короче говоря, Совет производительных сил. Очень солидное советское учреждение. Оно и сейчас существует.

Ю.С.: Ну, это академическое, нет?

Б.Р.: Академическое, конечно, при Академии наук. При Академии наук СССР. Республика, в которую мы едем, тогда называлась не Бурятская, а Бурят-Монгольская. Потом из нее Монголию убрали, чтобы не связываться с той Монголией, где столица Улан-Батор. Но бурятский язык, по-моему, от монгольского отличается не больше, чем карельский от финского. То есть, короче говоря, это тот же язык, и народ этот тот же. Видимо, так монголы, которые живут на территории России, называются бурятами, если они на этой территории родились.

Едем мы в конце мая, поездом, поездом, который идет от Москвы до Хабаровска...

Ю.С.: Вы говорите «мы» — это несколько человек?

Б.Р.: Конечно, конечно. Значит, так. Целый ряд, большое количество студентов с нашего факультета отправились в БМКЭ — Бурят-Монгольскую комплексную экспедицию Академии наук. Самые разнообразных специальностей: почвоведы, физико-географы, геоморфологи и экономгеографы. Из экономгеографов был я и Евгений Страдомский, бывший фронтовик. Он ненамного старше нас, все-таки, молодой сравнительно. И возможно, еще кто-то. Вот, мы так и поехали в эту экспедицию. Вот мы едем поездом. Очень интересно. Ехать дней пять надо было от Москвы до Улан-Удэ, столицы Бурятии.

И пока мы ехали, те дни, пока мы собирались, произошло много событий. Например, умер певец Вертинский. Как раз, по-моему, в те дни, когда мы ехали. А мне посчастливилось его видеть на его предпоследнем концерте. Я, конечно, очень далек от всего этого, но меня девушка, к которой я тогда клеился, сводила на это мероприятие. И мы с ней... Он выступал в каком-то клубе, где-то в центре Москвы, и, на мой взгляд, он уже не пел, а бормотал. Хотя, впрочем, у него песни такие были, речитативные, они не вполне же были песни. Но впечатление было такое, что он шептал и бормотал уже что-то. Ну, может быть, не от немощи, может быть, у него это такой стиль был. А потом я узнал, что после этого у него было только одно выступление в начале мая, в какой-то московской школе. И вот как раз мы ехали в поезде, что-то такое. Потом еще, то ли во время нашей езды, то ли уже по прибытии в Улан-Удэ мы узнали про арест Берии. Это же было летом пятьдесят третьего года. Я сейчас точно не помню, когда мы ехали: в конце мая или в июне.

Ехали мы весело. С нами ехала еще представитель спецчасти, Ира Капуста. Но она приказывала называть ее Капуста. Потому что многие люди с такими фамилиями — они стараются их облагородить. И я помню, я на своих чемоданах наклеил везде свою фамилию и адрес домашний. Она велела, как представитель спецчасти, немедленно это убрать, потому что это нельзя такие вещи. Враг не дремлет! Вот. И я еще чего-то там сказал про Берию. Сказал, что вообще говоря, что там творится в Москве, на месте ли правительство, власть не изменилась ли? Вы знаете, что когда находишься далеко от Москвы, всегда иначе воспринимаешь события, которые происходят в Москве, всегда они кажутся какими-то более тревожными. Ты знаешь это на примере того, когда был девяносто первый год, те, которые были далеко от Москвы, им тоже непонятно было, что тут творится.

У меня в девяносто первом году одна знакомая, которая была на стажировке в Соединенных Штатах, прилетела в Москву, а тут путч! Она в ужасе немедленно, в тот же день назад улетела. Из страха, что ее больше никогда не пустят в Соединенные Штаты.

Так что ее можно понять. Ну, и тогда тоже. Но Ира Капуста мне воспитательно сказала, что нельзя говорить такие вещи.

Бурят-Монгольская экспедиция Академии наук, как и всякая экспедиция Академии наук, хорошо была обеспечена. И она мне нравилась тем, что туда можно было приехать абсолютно голым. Все, что тебе нужно, там тебе дадут напрокат. Все! Начиная с нижнего белья. Правда, нижнее белье не нужно нам, потому что оно может быть солдатского типа, кальсоны и рубашки. Но, пожалуйста, это дадут. То есть, я теоретически мог бы, в чем мать родила, выпрыгнуть с подножки поезда, и мне бы тут же все бы дали. Я получил в свое распоряжение какую-то спецодежду, какие-то брюки, какую-то куртку, хотя у меня и с собой это было. Я уже не говорю обо всем остальном.

Другие товарищи, экономисты, с которыми я ехал... Ехал я... Да, наши были начальники Зубков и Тарасов, Григорий Львович Тарасов, который впоследствии или стал, или должен был стать членкором, доктором экономических наук. И при нем еще какая-то дама. Они ехали туда исследовать промышленность. Я был в промышленном отряде, а совсем не в том, где мне хотелось.

Поселились мы в палаточном лагере, на окраинах города Улан-Удэ. Раскинули там свои палатки хорошие, там кровати стояли нормальные. Это место называлось Заудэ или Зауда и, строго говоря, по-настоящему, — Заудье. Но местное население говорило не так: Зауда и Заудэ. Вокруг была малоэтажная застройка, пески, но центр города выглядел пышно. Там был большой памятник Ленину, по-моему, в виде головы и, по-моему, всадник там, типа Сухэ-Батор стоял, или еще что-то, в центре. Роскошное здание Совета министров.

И вот нам, живущим в палатке, носящим какое-то «х/б», какую-то одежду, «х/б, б/у» она называлась. «Б/у» — «бывшая в употреблении». То есть, носившим какие-то дурацкие холщовые штаны и куртку, надо было каждый день приезжать на работу. У нас же промышленный отряд? Вот, в Совет министров, в очень хорошее здание. Обедать в их столовой, в ведомственной, где хорошо кормили. И переписывать от руки народно-хозяйственный план Бурят-Монгольской АССР.

Ю.С.: Ой, бред!

Б.Р.: А потому что больше не знали, чем занять коллекторов. Я был коллектором. Хорошо, что хоть не препаратором: препаратор — это более низкая должность. Иногда спрашивают, «что вы там коллекционировали и что препарировали?»

Начал я переписывать от руки чернилами народно-хозяйственный план. Он был напечатан на плохой бумаге, такой, машинописным способом. Потом надо было приходиться на завод, с анкетой. Меня посылали на паровозо-вагонный завод знаменитый, который существует там, в Улан-Удэ.

Паровоз состоит из 5508 деталей.

Почему мне цифра эта запомнилась? Она совпадает с числом лет, прошедших от сотворения мира до Рождества Христова. Если вы к нашему христианскому летоисчислению прибавите 5508 лет, то получится, сколько сейчас лет от сотворения мира. Раньше такой календарь у нас был в допетровское время. И вот, приходишь на этот завод с анкетой из пятнадцати пунктов. «Как называется ваше предприятие, почтовый адрес, какую продукцию вы производите...» Ну, правда, на заводы меня послали потом: сначала они просто не знали, чем занять коллекторов. Там, в одном отряде со мной была девушка, Алла. Тоже Алла, но уже не Добровольская, а Дымская.

Ю.С.: Тоже на «Д».

Б.Р.: Да, тоже на «Д», и тоже, в общем, такая, несколько фифа такая, в общем. Даже больше, чем Добровольская. Ну, конечно, ей в паре со мной работать было непрестижно. Ей тоже не нравилось, как я там себя вел, мои манеры, все такое. Что-то она мне за обедом сказала: «Что ты все время давишься?» Ну, конечно, как я жевал, как кашу, как я носом сопел, все было всю жизнь так. Но потом, получая... вот это нас очень забавляло это выражение — «б/у», «х/б б/у». Получая, значит, список, чего мы получили, там, одежда... Тебе знакомы эти термины, да?

Ю.С.: Ну, конечно.

Б.Р.: «Х/б б/у». То есть, мы были снаряжены, как полевые работники, а ходили в Совет министров, в ресторане питались. Иногда даже в хорошем ресторане.

Ю.С.: Но вас кормили за казенный счет?

Б.Р.: Да, да. Теперь насчет оплаты. Мы получали «полевые», которые регулярно выплачивались. Стипендия шла в Москве. «Полевые»... тогда на «полевые» можно было что-то заработать. То есть по приезду в Москву кто-то себе что-то хотел купить: мотоцикл или велосипед, или, там, какой-нибудь музыкальный комбайн — он мог это себе позволить. Мы все смеялись, что там много разных добавок. Например, там все учитывалось: учитывался климат, учитывался там север, и крайний север, и добавки всякие северные... то есть мы говорили «полевые», «чаевые», «комариные» и «безбавные» деньги. Значит, все учитывалось, за все были надбавки. Причем интересно, что надбавки эти шли по административному делению. И очень выгодно было, чтобы административные единицы были крупными. А Бурятия — страна очень разнообразная. На юго-востоке ее — там пустыни, зимой снега не бывает, на севере там все совершенно наоборот. А вся эта самая... как не административные районы внутриобластные, а вся республика сразу же причисляется и к «высокогорным», и к «пустынным», и к «безводным», и за все это идут надбавки.

Я уже сказал, работники экспедиции могли брать любое снаряжение и инвентарь. И вот Страдомский, мой однокурсник более великовозрастный, а также Зубков, по-моему, Анатолий, экономист, они взяли себе охотничьи ружья, лошадей. И в определенное время они поехали охотиться на крупных зверей в горах, на западе Бурятии, к югу от Байкала. Но это было не в это время, а потом, попозже.

Вначале мне не нравилось: я готов был бунтовать, что мне эта работа кажется бессмысленной. Я оттуда написал письмо Баранскому. И Баранский мне быстро ответил. Его письмо у меня тоже, конечно, есть в архиве. Что он мне очень сочувствует,

и чего-то он там рассуждал... Я ему сказал, что я хочу заниматься другой темой, вот, географией хочу заниматься. А Георгий Львович Тарасов говорит: «Ну, зачем вам география? Вы опишите, там, конкретные предприятия. А географию вы спишете, там, с книжки, так все делают». Меня это, конечно, очень оскорбило. То есть я себя в этой экспедиции не находил. Но местность-то меня очень интересовала.

И тут вдруг, видимо, и нашему начальству это было необходимо, чтобы развезься, мы едем. Едем в дальнюю поездку, в Холтосон: вольфрамо-молибденовые рудники на юго-западе Бурятии. Замечательная поездка. Мы сели в грузовую машину, запаслись множеством всяких вещей. Страдомский и Зубков запаслись охотничьим оружием с тем, чтобы потом от нас отделиться и охотиться на каких-то изюбрей или маралов.

Поехали мы замечательно: по пустыне ехали.

Проезжали такие глухие места, где люди безропотно ждали попутной машины по несколько дней. Стоит человек и голосует на шоссе. Его не берут. Стоит дня два-три. Наконец, кто-то его возьмет.

Вот. Проехали Гусиное озеро: столько природных зон разных! Поехали на запад, приехал в Холтосон, где были вольфрамо-молибденовые рудники. Но там все было засекречено. И там говорили «первый металл» и «второй металл». Так они назывались в стенгазете.

Побывали мы на этих рудниках. Впечатление от рудников я не помню, но я помню впечатление от угольной шахты. Дело в том, что в нескольких десятках километров от Баянгола, который был в сухой и привлекательной местности — там на южных склонах растительность степная, а на склонах, обращенных к северу, лиственницы растут. Там прямо как отмывка рельефа на карте. С самолета особенно яркая картина. И вот, мы поехали в Баянгол. Наша поездка была, в сущности, увеселительная, экскурсионная. Потому что нельзя сказать, что какие-то серьезные конкретные дела были у наших начальников, не говоря уже о нас. Так что довольно дружно все так ехали, в свое удовольствие. Конечно, наши начальники что-то там записывали, какие-то вопросы задавали. Перед ними, стояла задача карьеры, докторской диссертации, все.

Мы приехали в Баянгол, а там шахты угольные. Угольные эти шахты принадлежат не соответствующему министерству, а руднику. Они обслуживают Холтосон только. Поэтому они были очень убогие.

Там были настоящие слепые лошади, о которых я читал только в книгах. На глубине триста метров.

На эту глубину мы лезли по лестнице, которая там была, на глубину триста метров. Ну, по молодости, может, это было мне... по каким-то трапам, по лестницам. В общем, конечно, я побывал в шахте. Но я сказал себе, что я бы, конечно, хотел бы здесь поработать дня три в своей жизни, чтобы уж это все испытать. Но не более того. Место это было проклятое, по мнению тех, кто туда завербован на работу, потому что бесконечно шли дожди. Это местная, чисто местная особенность, связанная с рельефом, с гидрографией. Как в тропиках: каждый день утром – жара, вечером – дождь. И в одном из нужников, то есть, в уборной, я обнаружил там замечательную надпись: «Чтоб вечно здесь сидел и срал, кто в Баянгол нас вербовал». Так мы поехали обратно, за исключением Зубкова и Страдомского, поехали на грузовой машине в Улан-Удэ. Сколько эта поездка длилась? Может быть, неделю, не больше. У меня есть дневник, там записан каждый день.

Я написал Баранскому, что я раскаиваюсь в том, что я выбрал эту специальность, что, может быть, мне надо было быть физгеографом. Подробности я сейчас уже не помню, что он мне ответил. После моей смерти останется в архиве все это, но попробуй найди все эти письма. У меня писем, которые я получал, целый такой ящик, и в алфавитном порядке они разложены. Одна из этих коробок лежит вот там. Значит, так. И вот, после блестящей, но недолгой поездки к рудникам Холтосона я возвращаюсь опять в Улан-Удэ, в этот лагерь. Теперь меня вот тут-то и посылают на паровозо-вагонный завод с анкетой из пятнадцати пунктов.

Ю.С.: Ну, да, тоска...

Б.Р.: Да. Это еще не все. Значит, так. Вот, я вернулся в этот лагерь, и меня, значит, страшно тянет опять куда-то. И вот, я сделал следующее. В те годы суббота была рабочим днем. Я не имел права прогуливать, а должен быть на работе, хотя работа у меня, как сами понимаете, называется «будь готов слону яйца качать». БГСЯК. То есть, вот, по сути дела, ничего не делать, но тем не менее.

Ю.С.: Я не слышал этой присказки. Как это? «Будь...»

Б.Р.: «...готов слону яйца качать».

Ю.С.: А сокращенно?

Б.Р.: БГСЯК. Так мы говорили.

Ю.С.: Это у вас, на географическом?

Б.Р.: Ну, да, где-то... нет, вообще, в это время так говорили. То есть, короче говоря, и вот, значит, я воспользовался воскресеньем. Я совершил подвиг: я за эти выходные дни пересек хребет Хамар-Дабан, за один день. Как это выглядело. В субботу я, никого не спрашивая... ну, кому-то сказал, ребятам, все-таки, сказал, куда я еду. Воспользовался выходным днем. Я сел на скорый поезд, на один из многих скорых поездов, которые шли из Владивостока в Москву. И, кажется, в тамбуре

я проехал до остановки... до станции Мысовая, город Бабушкин — это находится на южном берегу Байкала. Озера Байкал. Ну, и на территории Бурят-Монгольской, но ещё не Бурятской республики. Переночевал там, на скамейке. Не переночевал, а немного поспал, до шести утра. В шесть утра я пошел на юг, и пошел по старому Мысовскому тракту. Это дорога, по которой когда-то везли чай из Китая в Иркутск. В Иркутске же чаеразвесочные фабрики до сих пор существуют. Это был торговый тракт для связи России с Монголией и Китаем. Он исчез, потому что провели железную дорогу через Кяхту потом. Но он тоже шел через Кяхту. Но сейчас этот путь идет по железной дороге, по шоссе, через Улан-Удэ. А раньше он шел оттуда. И вот, я пересек этот хребет за шестнадцать часов. Я шел, в общем, с шести утра до десяти вечера.

Ю.С.: Ну, это километров сорок?

Б.Р.: Нет, восемьдесят.

Ю.С.: Восемьдесят?!

Б.Р.: Да. Значит, я шел пятнадцать часов, час отдыхал. И вот, в первой части пути — это было немножко меньше половины, может, тридцать-сорок процентов маршрута — я дошел до заимки Уляты, где жило двое стариков. Значит, там жили старик и старуха в этом уединенном домике вблизи перевала. Они выселились из Польши еще до Октябрьской революции. И жили там вместе вдвоем с тех пор. После Октябрьской революции сколько лет прошло? Тридцать шесть, что ли. Пятьдесят третий год. Вот. Старика в это время не было дома. Он пошел, как обычно, пешком вниз, то есть в город Мысовую, Бабушкин. Он туда всегда ходил за хлебом, вообще, за едой. Видимо, охотой он промышлял, пенсию получали. Она приняла меня достаточно радушно, но угостить меня ей было нечем. Она дала мне попить молока и черного хлеба кусок, может, даже последний. Так, я с ней там час провел времени в избе. Настоящая была изба. У меня не было никаких запасов продовольствия, только полевая сумка была, в которой лежал сложенный плащ. Полевая сумка, в которой плащ лежал — она была очень раздувшаяся. И все. На ногах у меня были обычные городские ботинки. Не было тогда ни кедр... Полуботинки обычные. Забегая вперед, скажу, что они практически сгнили после этого перехода. И носки тоже на мне сгнили.

После этого я пошел дальше. Как сейчас я помню, что я вынужден был идти очень быстро, чтобы избавиться от насекомых. Потому что там же туча была: туча этих насекомых. Это так называемая мошкá. Они назывались пауты, там были и слепни, черт знает кто еще, и комары. В общем, мелкие. И надо было хотя бы шесть километров в час идти, то есть, я шел быстрым шагом, сложив локти, вот так вот шел. И это немножко спасало меня. А потом, я временами раздевался, кидался в ручьи. Там немножко обмывал себя и шел дальше. И к вечеру... старуха эта мне сказала, что тут три дня назад туристы прошли. И наконец, к вечеру я увидел признаки жилья человеческого, свернул в сторону и попал в лесхоз Тарбагатай. Там никто не удивился моему появлению: они решили, что я один из этих туристов. Туристы там уже были. Они затратили три дня на этот переход. Ну, это понятно: они же рюкзаки тащили, палатки. Я тоже там с ними, рядом с ними. Я переночевал на голом полу, подстелив под себя этот плащ. Ничего не ел. Или, может быть, меня там все-таки эти туристы или местные жители чем-то накормили. Скорее всего, второе. Так закончилось воскресенье. Это был уже понедельник, день прогула моего в экспедиции. День прогула. Я сел на попутную машину, которая вывозила лес. Она привезла меня на железную дорогу, которая уже тогда существовала, Улан-Удэ — Улан-Батор. И сел я на товарный поезд, на его площадку, товарного вагона. Поезд вез...

Ю.С.: Ну, то есть, сели просто незаконно.

Б.Р.: Да, конечно. У меня был плащ, я его надел. Издали я с полевой сумкой и в плаще выглядел как железнодорожник. Видимо, никого это не смущало. Просто сел и поехал. Поезд иногда делал остановки, но к вечеру понедельника я, все-таки, прибыл на окраину Улан-Удэ, где я соскочил с поезда и побежал в свой лагерь. Ну, там уже, в общем, ясно, какое было отношение ко мне. Когда-то мне что-то советовали. На следующий день собралось начальство, ну, в общем, я как-то отделался выговором. Вот. И вот после этого...

Ю.С.: Ну, вы им рассказали о своем маршруте? Наверное, он произвел впечатление?

Б.Р.: Конечно! И девочки все: «Это такой подвиг!» Конечно, все ахали, безусловно. Некоторые симпатизировали мне. Но надо же со мной что-то делать.

Выговор был мне, видимо, вынесен, с каким-то предупреждением, что меня отправят в Москву. А мне только этого и надо было: мне уже там надоело. Меня уже тянуло в другие места. Еще там было интересно: там был самый веселый день в моей жизни в те годы. Там была, в частности, вот одна из моих девушек, Гая Пушкина. Моей она стала позже. Да. Еще кто-то... И, в общем, мы там развлекались, видимо, тоже в выходной день, или после официального рабочего дня.

” Среди сопки и дюн — там были песчаные сопки — меня переодевали в женское платье и фотографировали. Тогда ведь женщины одевались очень дико: они носили комбинации, чулки, которые были пришпилены к специальному поясу. Все это на меня надели, фотографировали. Все это, конечно, было очень смешно. В общем, развлекались, как могли.

И вот тут-то меня и послали на паровозо-вагонный завод, с анкетой из пятнадцати пунктов. Тут я им сказал, что хватит, я такой работой заниматься не буду больше. Ну, тут меня и уволили. Но уволили с оплатой за обратный проезд. И я довольно хорошо, в конце августа поехал в Москву. Что было довольно необычно и вообще неприлично: никто из тех, кто уже третий курс закончил, не возвращался из экспедиции так рано. Возвращаться уже было принято в октябре, а то и в декабре, если кто в Арктику заехал. Это нормально. А тут, значит, в общем, так я рано... Все мои однокурсники и девушка, которую я любил, Юля Ласис, она была в Иркутске. Я с ней переписывался, я ей писал много писем. Я ей за всю жизнь написал, там, сто восемь писем. Не знаю, где они сейчас: может быть, у ее потомков хранятся.

А потомки ее, как и потомки всех преуспевающих людей, уже давно живут за океаном, или в США, или в Канаде. Так у нас принято. Кого не посмотришь — все там, там уже у всех внуки, правнуки. Там. Я думаю, у твоих друзей так же, да?

Ю.С.: Ну, у родственников есть...

Б.Р.: Сама Юлия Ласис еще жива, но мной она не интересуется. Она совершенно оглохла, но в Соединенные Штаты она ездила, ей там не понравилось.

Так вот ей я писал, писал и другим тоже. Получал ответы на эти письма. Переписка у меня была живая с Иркутском. В Иркутске же была еще Восточно-Сибирская экспедиция, по-моему, Института географии Академии наук. Это что-то совсем другое. И тоже там было полно наших однокурсников. И тоже в их жизни это большую роль сыграло. Такие ученые, как Варламов, Кобылковский, — они потом стали заметными учеными. Минимум кандидатами наук они все были. А некоторые — докторами. Ну, вот, они продолжали быть где-то... в самом Иркутске я их не видел, а я поехал на поезде с остановкой в Иркутске. Я в Иркутске остановился, чтоб посмотреть этот город. То есть сначала я ехал на каком-то второстепенном поезде до Иркутска, а от Иркутска я уже ехал чуть ли не в мягком вагоне в Москву.

Ю.С.: И как вам Иркутск того времени немножко?

Б.Р.: Да, в Иркутске того времени были признаки старины. Там были деревянные дома в центре. Значит, что меня особенно интересовало, там была узкоколейная железная дорога, которая проходила по улицам города, по его мосту, от главного железнодорожного вокзала, вернее, от главной железнодорожной станции к фабрике, возможно, как раз чаеразвесочной. А может, какой-то другой. И по ней пропускали товарные поезда ночью. Сейчас этого, наверное, нету. Так что, конечно, тогдашний Иркутск я хорошо обошел и объездил. Но, надо сказать, после этого я был в Иркутске раза два или три: я уже ничего не помню из того, что было раньше, ничего я не могу уже сейчас признать. Иркутск я очень знаю плохо. Я был там года три назад, тоже проездом: плохо я знаю его. Ну, вот. Потом я поехал...

Ю.С.: Ну, он, все-таки, вот... как сказать: это время пятьдесят четвертый год...

Б.Р.: Это был пятьдесят третий год.

Ю.С.: Пятьдесят третий год. Ну, вот эта послевоенная бедность сильно бросалась в глаза?

Б.Р.: Послевоенная бедность бросалась в глаза гораздо раньше, а в это время она мне в глаза не бросалась.

Ю.С.: Не бросалась?

Б.Р.: Да. Ну, была ли она послевоенной? Она, скорее всего, в сельской местности еще была просто повсеместной. Конечно, я потом скажу впечатления о Можайском районе. Да, но тогда надо еще сказать, что в пятьдесят втором году, как раз, по-моему, в декабре, я поехал в так называемый агитпоход в Красновидово.

Дело в том, что был День Конституции, 5 декабря. И устраивался агитпоход, местному населению напоминать о Конституции и о Советской власти.

И вот, в пятьдесят втором году я видел нашу деревню в самом убогом состоянии. Я видел настоящую, натуральную подмосковную деревню со следами войны, пребывающую в полном убожестве. Пожалуйста, я сейчас об этом расскажу.

Ю.С.: Расскажите.

Б.Р.: Возвращаемся немного назад, 5 декабря, кажется, 1952 года. Была чудовищная оттепель: вдруг снег растаял, а он был до этого в большом количестве. Потекли реки, начался настоящий паводок. Ну, а мы на маленьком автобусе типа ПАЗ — «Павловский автозавод» — но старой конструкции, представляешь, да, девятнадцать мест в нем? Туда направились весело, со своими песнями, агитпоход. Я был агитатором. И мне, конечно, было интересно в самую дальнюю деревню. Там, первая деревня была Аксаново, она была близко совсем. А это была какая-то очень далеко деревня. То есть туда надо было идти по грязи: полдня туда, полдня обратно. А там провести в избе какую-то беседу. Но зато я тут, конечно, столкнулся с этой... Эта вонючая, грязная изба, эти убогие, в общем, люди, которые одеты в лохмотья. Сейчас ничего общего, сейчас даже трудно узнать, а тогда женщины, девушки еще не носили городскую одежду, носили деревенское платье.

Вот, стал я рассказывать про великие стройки коммунизма. Вот, и эта женщина мне сказала: «Зачем нам все это? Расстреляли бы нас, что ли... Лучше бы было».

Вот это замечательные слова, которые мне надолго запомнились. Так что, Юра, из того, что ты хотел услышать от меня вот о той эпохе, все-таки было несколько таких фраз, ярких впечатлений. Да, это на меня произвело большое впечатление, потому что впоследствии я смотрел кинофильм «Председатель». Вот был такой кинофильм, его можно и сейчас по Интернету посмотреть.

Ю.С.: Я его помню.

Б.Р.: Что меня там возмущало? Там все действие как раз и снималось в этих деревнях. Они ж далеко не ездили. Все в Можайском районе снималось. Но когда все преобразилось, и когда новый председатель, все-таки, покончил с этими

недостатками, они показали обновленное село. Но оно было снято уже где-то в Воронежской области. Но нас же не обманешь: там же был совершенно другой ландшафт. Тот ландшафт никуда не делся. Вот так. Так что, к этому времени — это было значительно позже — село еще внешне выглядело так. Когда фильм снимался. Оно было еще вполне натуральным, так оно и выглядело. Там показали железную дорогу, уже электрифицированную. Меня это возмутило: тогда еще нет. Тогда дорога до Можайска не была электрифицирована. Она была электрифицирована до Кубинки, а может, даже и раньше, до Голицыно. Туда ходил паровой поезд, при нем пригородные вагоны. В этих вагонах с одной стороны три места, с другой стороны — два. Деревянные скамейки.

Ну, вот, этот агитпоход. На обратном пути мы весело очень ехали. Возможно, что мы ехали до самой Москвы на автобусах, в электричку нас не пересаживали. Там я сидел рядом с девушкой, которую звали Иветта Бириня, и тискал ее грудь. Она не возражала. Она у нас считалась красавицей. Тогда мы были еще девственные мальчики: это первый, по-моему, случай, когда я тискал девичью грудь. Вот, а она у нас считалась красавицей, ее какой-то фотокорреспондент сфотографировал на обложку журнала. После этого ее жизнь изменилась круто и навсегда. Ей стали писать письма какие-то солдаты, она вышла замуж за дипломата, прожила большую часть жизни где-то в Швейцарии. Началась ее карьера еще в советское время.

Ю.С.: Ну, не так плохо.

Б.Р.: Да, неплохо. Еще одна хорошая девочка, с нашей группы уже, Юлия Елхова: она очень хорошенькая. Она была очень добрая, очень наивная, приятная во всех отношениях. Никак к ней не придерешься. Ей тоже повезло. Ее буквально выдали замуж за дипломата, которому надо было жениться, потому что было такое условие: если ты окончил... да, надо быть женатым. Вот, они выбирали невест.

Часто на поварихах женились, потому что очень это удобно, когда живешь за границей. На поварихах.

Поэтому говорят, что вот эта дипломатическая школа высшая, или МГИМО, они были спарены с каким-то кулинарным училищем. Ну, в данном случае, на девушке с геофака. Она безбедно, счастливо прожила в Ираке большую часть жизни. Причем, она о нашей стране почти ничего не знала, она была всем довольна. Я думаю, она жива и сейчас и так же счастлива. Это одна из пяти или шести счастливых женщин, я могу таких назвать... Я думаю, что моя нынешняя спутница жизни тоже принадлежит к этой категории, которые, в общем-то, прожили свою жизнь счастливо. Таково было воспоминание об агитпоходе и о деревне.

Сейчас мы на чем остановились? Остановились мы на том, что я с удовольствием уволился из Бурят-Монгольской экспедиции...

Ю.С.: Вернулись в Москву.

Б.Р.: ...и вернулся в Москву в конце августа, в самом конце. А тут происходит великое событие: университет переселяется на Ленинские горы, то есть, на Воробьевы. И торжественное открытие нового здания МГУ было 1 сентября 1953 года. Я его описал в своих воспоминаниях.

Ю.С.: Но вы участвовали? Видели?

Б.Р.: Видел, конечно. Ну, как я видел? Я был участник. Я стоял внизу, рядом со мной стоял Леня Серебрянный, который был на курс старше меня. Леонид Рувимович Серебрянный, геоморфолог, но, в то же время зарубежник, знаток языков иностранных. Но геоморфолог. Или физико-географ. Вот, он был свидетелем. Я это, конечно, не только написал, я это сразу же послал в письмах своим друзьям. Для меня это было важно — им рассказать: они же были вдали.

Как это выглядело? Сначала был митинг, на улице, с той стороны, где Москва-река, с парадной. Потом нас пропустили внутрь здания, распределили там по потокам. Мы имели возможность увидеть свой факультет. Я присутствовал на вводной лекции профессора Юлиана Глебовича Саушкина, заведующего нашей кафедрой. Хотя это не мой учебный год, и не мой курс. В общем, он там разливался соловьем. У меня записано, что он говорил. Он говорил, что, поскольку Земля — это обитель всех людей, то отсюда следует, что география есть самая главная наука. Ну и так далее. В общем, все здорово, красиво он говорил. Но я к тому времени уже несколько скептически к этому относился, я понимал, что это песня, так сказать, для первокурсников. Это было отражено. Ну, у меня тоже, так сказать, любовно-романтическое отношение было. Вот эти лифты, вот это все странное здание, когда ты находишься на двадцать первом этаже, а чувствуешь себя чуть ли не под землей, потому что окон не видно...

Ю.С.: А быстро привыкли к новому зданию?

Б.Р.: Да, привыкли, полюбили сразу же. Ну, это потом было. Ну, это потом.

Ю.С.: А о старом здании не жалели?

Б.Р.: Нет, не очень жалели, мне кажется. Ну, заходили туда. Я всегда заходил, уже когда там был психфак, даже с докладом выступал. Но это относится уже к новейшему времени.

Ю.С.: Интересно, что не жалели. Вроде бы, привязываешься к тому, где ты начал.

Б.Р.: Нет, молоды были еще. Молоды. А потом этот восторг... а как же? Странное, конечно, здание. Говорили, архитекторы мои знакомые этого не подтверждают, но говорили, что Щусев его проектировал как гостиницу. То есть, было вначале ясно...

Ю.С.: Сначала его проектировал Иофан.

Б.Р.: Главное, что вначале было ясно, что нужно увенчать Ленинские горы огромным, величественным зданием. А что в этом

здании должно быть внутри — это вопрос второстепенный, архитектора это меньше интересовало. Говорили также, что от проекта гостиницы наше новое здание унаследовало шесть тысяч санузлов, вот. Но блоки, конечно, эти... при каждом блоке. Нет, блоки, конечно, приводили в восторг, что студенты, каждый студент получает отдельную комнату. Потом началась борьба с сексом, который там процветал, естественно.

Ю.С.: Что значит, «борьба»?

Б.Р.: Ну, так, борьба была. Самая яростная.

Ю.С.: Каким образом?

Б.Р.: Как каким образом? Были комсомольские дружины, которые заглядывали в окна, где свет горит ночью, врываются туда, заставляли людей совокупляющихся. Это все было неофициально, так сказать, не по закону. Но были такие эксцессы, очень даже страшные. То есть временами, как всегда в нашей стране бывает, какие-то кампании. И вот, такая тоже разворачивается такая кампания за нравственность. Дружинники, или, как они назывались, может быть, бригадильцы — бригада содействия милиции, или они назывались как-то иначе. Причем, как правило, это юноши были сами девственные, малоопытные в сексе. Студентки тогда не каждому, конечно, отдавались, но были кое-где какие-то романы, была ж какая-то любовь. И вот, значит, был такой случай, что они там... ну, это, может быть, было уже не в пятьдесят третьем году, может быть, и позже, в пятьдесят пятом. Но наткнулись на негра... сейчас слово «негр» неприличное, африканец, вот. Они наткнулись там на африканца. Африканец этот им всем... достаточно их всех избил за это дело. Ему ничего за это не было, естественно. Был случай более анекдотический и страшный. Значит, ворвалась эта комиссия, вот, проверять. И девушка своего любовника пыталась куда-то спрятать, он решил спрятаться за окно. И повис там. Ты догадываешься, чем дело кончилось? Но не сразу, не просто так. Он там сидел и повис, за окном. Тут пришла комиссия. Ну, все, смотрят — его нигде нет. И один смотрит... решил посмотреть за окно. И увидел его там висящим. Решил его не выдавать и сказал, что его там нет. И услышав это, девица закричала. И он тогда от страха сорвался и погиб. Вот как это, реально или сказка?

Ю.С.: Ну...

Б.Р.: Я думаю, что кто-то это знает. Какая-то есть книга, какие-то легенды. И о том, что там, конечно, бросались, время от времени, и что весной была маленькая такая, все-таки, эпидемия самоубийств, весной, все-таки, кто-то кидался.

Ю.С.: Ну, всегда неудачная любовь, всегда бывает.

Б.Р.: Мало ли по какой причине? И еще: студенты, по-моему, физфака... физфак-то был малоэтажным. Но они забрались в высотное здание и какую-то пудовую гирию скинули, чтоб посмотреть, что будет. Я им очень сочувствовал: я же тоже люблю такие вещи делать, мне тоже хочется сейчас скинуть с балкона...

Ю.С.: И что было?

Б.Р.: Ну, она, вроде, в землю вошла. А что им было? По-моему, их за это по голове не погладили. Ну, не знаю, исключили их, или они отделались выговором. Или, может быть, им это зачли как научную любознательность? Все же любовь к экспериментам.

Для мальчиков же совершенно естественно — любовь к экспериментам: что-нибудь взорвать, что-нибудь поджечь. Я всегда это любил тоже, я и сейчас люблю.

Ю.С.: Ну, наверное, вы о старом не жалели, потому что новое поражало воображение, было роскошным...

Б.Р.: Да, совершенно верно, Юра. Оно поражало воображение. Но суди сам: как это все было устроено. Двадцать первый этаж, у нас кафедра... нашему Геофаку повезло, в отличие от геологов: наш факультет занимал пространство с восемнадцатого этажа по двадцать второй, причем, по-моему, на семнадцатом немного было. Наша кафедра на двадцать первом этаже, какая-то еще кафедра на двадцать втором. Мы свободно ездили на лифте наверх, заезжали в Музей земледования, ходили по нему совершенно свободно. Но выше ехать уже было нельзя: там уже часовой стоял. Так, откроется дверь лифта — там стоит часовой. Надо назад. Но на шпиль лазили в процессе строительства. Дело в том, что когда его строили, у нас был субботник. И мы были на этом субботнике. Я помню, там меня даже носили на каких-то носилках, которые для кирпича были предназначены. Себя эффективно работающим я не помню, но, скорее всего, это было весна пятьдесят третьего года. Потом там же военнопленные немцы работали. Вот, тоже разные легенды были о немцах.

Ю.С.: Но это до открытия?

Б.Р.: Да, да, до открытия. Но когда мы учились еще в старом здании, на Моховой, мы же ходили туда на субботник работать. Вот, и тогда, кажется, наши ребята добрались и до шпиль, то есть побывали там, куда потом не пускали. Но я себя побывавшим на шпиль не помню. Нет, не был я там. Ну вот, когда здание открыли, значит, интересная стратификация атмосферы московской: над Москвой всегда стоит смог. Но смог, как таковой, еще с двадцать первого этажа не виден.

А когда поднимаешься на тридцать третий этаж, то видишь с ужасом, что в самый ясный, солнечный день Москва покрыта непрозрачной, черной тучей.

Это видно сверху. Но нужно на достаточную высоту подняться. Когда я некоторых своих товарищей водил туда, до тридцать третьего этажа, то есть, видимо, это был верхний балкон, Музей земледования, то мы с ужасом видели эту картину. Потому что в Москве, когда хороший, солнечный день безветренный, сразу же набирается этот смог. Вот он виден немножко сбоку и сверху. А просто снизу, так, не видно.

Ю.С.: А с Останкинской, может быть, тоже? Может быть, тоже с Останкинской?

Б.Р.: Ну, тем более, Останкинская еще выше. Я на Останкинской башне был один раз в пасмурную погоду. Вот так, значит, новое здание МГУ. Что же после этого я сделал? После этого я самостоятельно отправился в путешествие в Хибины. Ну а как же? Время же еще есть. Я еще не был в Ленинграде никогда, и даже моя мама говорила, что, все-таки, как-то неприлично еще не быть в Ленинграде, что пора уже ликвидировать этот пробел. К тому времени я уже побывал кое-где сам: на Кавказе, на Черном море, на Украине, в Поволжье и в Бурятии. Да, и в эвакуации в Омской области. А в Ленинграде я еще не был. Я решил поехать в Ленинград. Это было чуть ли не второго или третьего сентября, то есть буквально на следующий день после открытия, скорее, даже второго. Ехал я туда не обычным путем, а с Савеловского вокзала. С Савеловского вокзала ходил поезд, который шел до Ленинграда ровно сутки. Он вечером из Москвы выходил и вечером в Ленинград приходил. Шел он через Сонково, как они у нас тут... Савелово, Сонково, поворот в Весьегонск и дальше. Вот, он шел сутки. На него легко достать билет, а на главное направление сразу же билет быстро достать неудобно. А мне интересно было все это. Я спокойно сутки ехал. Природа там хорошая по дороге.

Поезд этот прибыл на Витебский вокзал, тот поезд на Московский вокзал не приходил, насколько я понимаю. И там я остановился ночевать у родителей своего друга, приятеля, Бориса Павчинского, с которым я познакомился в Бурят-Монгольской экспедиции. И он все там продолжал в этой экспедиции работать, по-моему. Вот. Хотя он был экономгеограф.

Я так прямо и заявился туда в ватнике, я тогда ходил в очень грубом ватнике, доставшемся мне еще с военных времен. Ватник был оторочен мехом, воротник был какая-нибудь цигейка. И шапка-ушанка потом, зимой была. Вот так я и явился. А они, жили, конечно, в коммунальной квартире типичной питерской, где-то около Обводного канала, в том районе, где все улицы названы по уездным городам России, ты знаешь, да? Я уже не помню, как называлась их улица, но она носила имя одного из уездных городов России. Ну, надо же было как-то называть улицы, и географический признак, принцип наименования улиц был и в дореволюционном Санкт-Петербурге. Ну, там, коммунальная квартира... ты представляешь, что такое питерская коммунальная квартира? С окном во двор, захламленная, заставленная старыми вещами, все-таки, это комната в коммунальной квартире, все эти абажуры...

Ю.С.: Чуть-чуть громче...

Б.Р.: Абажуры, столы под скатертями, вот. У меня план быть там ровно десять дней: пять дней осматривать Ленинград, пять дней — окрестности.

Ю.С.: Но это вы их напрягли...

Б.Р.: Я не уверен, что они меня кормили, но я вот не помню.

Ю.С.: Нет, в смысле, вообще, вот...

Б.Р.: Да, конечно, ты прав. Я их напряг, и они были не очень рады мне. Да. Ну, вот, сначала подряд пять дней — это Ленинград. Потом подряд пять дней — окрестности. Я, конечно, охватил все, все, что только можно было. И Карельский перешеек вначале, этот Сестрорецк...

Ю.С.: А вы ездили с возвращением?

Б.Р.: Да, конечно, с возвращениями. И ночевал только в этой квартире. Каждый день ночевал там. И Павловск, и Петергоф, и до Ладожского озера. И Шлиссельбург с его крепостью, конечно, побывал. Туда проще было с паромом. И по крепостным стенам я походил. Все, в общем...

Известно, что российское почвоведение зародилось на крепостных стенах Шлиссельбурга.

Ю.С.: Каким образом?

Б.Р.: Вот это пример того, как ученый, а именно Докучаев, побывал на обыкновенной экскурсии. Но то, чего не видел никто, увидел Докучаев. Раньше думали, что почва, на которой растут растения, — это геологический феномен. Он является верхней частью земной коры, что его происхождение геологическое, этой почвы. А Докучаев доказал, что почва есть продукт деятельности растений. И увидел это он, когда он увидел, как на кирпичных стенах Шлиссельбургской крепости, как там растения растут, как они сами себе сформировали почву. Известно, что на кирпиче очень хорошо все растет, и руины кирпичные хорошо зарастают деревьями и травой. Береза растет. Я помню, даже у нас, за годы войны на карнизе десятиэтажного дома, который стоял в нашем дворе на проспекте Мира, бывшая Первая Мещанская улица, за годы войны березы выросли. На карнизе кирпичного дома. Карниз этот был шириной сантиметров десять — пять. На нем березки выросли трехметровые. Это вот увидел Докучаев, его осенила гениальная идея, это была его «эврика». Оттуда родилась русская школа почвоведения, которая долгое время была незыблемой и принята была во всем мире.

Но сейчас в Америке давно уже другая школа почвоведения, совершенно другая классификация. Нашим это, конечно, очень не нравится. Так это все родилось на Шлиссельбургской крепости [возможно, что не на Шлиссельбургской, а на Староладожской, надо проверить. — Б.Р.]. Теперь я не помню, по-моему, я добрался до Приозерска, бывший Кексгольм. Все, в общем, очень интенсивно...

Ю.С.: До чего?

Б.Р.: До Приозерска, бывшего Кексгольма, на берегу Ладожского озера. То есть все окрестности Ленинграда я охватил. Ближайшие, по крайней мере. После этого я поехал в Хибины. В Хибины я доехал скорым поездом до станции Апатиты.

Ю.С.: Но опять у вас, собственно говоря, ничего нету в руках, кроме плаща?

Б.Р.: Нет, у меня вещи были. У меня был рюкзак, и на мне был надет ватник, у меня была шапка-ушанка, на ногах у меня – байковые шаровары. Ботинки у меня были городские, со шнурками. Никаких кедр. Пока еще кедр не было, кроссовок не было.

Ю.С.: Спальник был?

Б.Р.: Нет. Он мне был недоступен по цене, и вот было ли со мной какое-то одеяло — я не помню. Я приехал в Апатиты, потом на электричке в город Кировск, потом на автобусе, на чём-то в Юкспоррйок. Юкспоррйок — это была географическая станция университета. Там часть наших студентов, в том числе, один из моего курса, Бутьев, тоже находились на практике. Там был студент, моложе меня на год, Алик Осетров, Александр Евгеньевич. Я с ним дружу до сего дня. Недавно мне звонил по телефону.

Ю.С.: Ну, то есть, вас как-то там все-таки приняли за своего?

Б.Р.: Меня приняли там нормально. Это казалось совершенно естественным. Меня зачислили на довольствие, то есть я вносил деньги и питался вместе со всеми. И конечно же, я участвовал в разных маршрутах. Когда Бутьеву надо было куда-то идти, я с ним шел. Когда надо было идти Алику — я шел с Аликом. Это была долина, заросшая елью. Мне объяснили, что ель там, кажется, вытеснила сосну. Потому что сосна более неприхотливая и сосна первая селится как в сухих очень местах, так и в очень влажных — там селится сосна. А ель ее постепенно вытесняет. Ель-то сама менее устойчива: она от ветра падает со своими корнями, как известно. Ну, вот, она, так сказать, паразитическим образом как-то сосну вытесняет. Ну, там была какая-то концепция на этот счет. Юкспоррйок — это деревянный дом, построенный в долине, барачного типа, спальни. Было где спать, где есть, был большой деревянный стол. Они ходили в маршруты. Ходили в маршруты по долине, поднимались на гору Юкспор, метров девятьсот, по-моему, над уровнем моря. Оттуда открывался великолепный вид на рудник, комбинат, откуда по путям железнодорожной широкой колеи шли поезда с рудой. Апатиты там добываются. Прямо из тоннеля выходили, никакие не узкоколейки. А там, наверху, на Юкспоре еще была какая-то станция, может быть, метеорологическая. И туда каждый день ходили носильщики, старики, другого способа связи с ней не было. Возможно, что был полевой телефон или радио. Видимо радио было. Полевой телефон требовал проводов. И мы видели этих стариков, они между нас сидели. И это были именно очень пожилые люди, но они были очень крепкого телосложения, и каждый из них нес пятьдесят килограмм, и они с этим...

Ю.С.: Русские?

Б.Р.: Да. И с этим самым...

Ю.С.: Пятьдесят килограмм?

Б.Р.: Да, так нам сказали.

Ю.С.: Но это...

Б.Р.: Ну, не знаю я, я видел: сто килограмм по горизонтали старики-носильщики в Стамбуле несли. Так мне сказали, причем, главной частью их груза был какой продукт, угадай?

Ю.С.: Они часто ходили?

Б.Р.: Каждый день. Может быть, у них были выходные.

Ю.С.: Понятно. Я не представляю... взрывчатка? Тол?

Б.Р.: Зачем? Это же не рудник, это метеостанция наверху.

Ю.С.: Ну, тогда не представляю.

Б.Р.: Уголь. Печки топить.

Ю.С.: Понятно.

Б.Р.: Ходил я с Аликом, ходил с Бутьевым, фотографии даже сохранились. Потом мне запомнился веселый такой момент. Я говорил, что в Бурятии, в экспедиции, был у меня очень веселый день, один из самых смешных в моей жизни, когда меня раздевали девочки и наряжали в женское платье. Здесь был тоже очень веселый день такой, смешной, второй такой. Всего у меня три дня таких было в студенческие годы. Не за студенческие, а вообще, за первую половину жизни. Три дня настолько смешных, что у меня был заворот кишок от смеха. Здесь была игра в гоп-доп. Была такая студенческая игра в гоп-доп. Не знаешь такую игру?

Ю.С.: Ну, я помню название...

Б.Р.: Игра эта была... не знаю, в чем она состояла, в выполнении каких-то крайне нелепых действий. А после этого проигравшие должны были сделать, совершить очень нелепый поступок. Очень нелепый, граничащий с хулиганством. Но проигравшие не могли от этого отвертеться.

Ю.С.: Но это играли все вместе, и женщины и мужчины?

Б.Р.: Да, конечно. Но ничего, конечно, эротического в этой игре не было, тогда не было этого, эротика не было. Там была такая игра. Нужно было... скамейка была вдоль стола, надо по этой узкой скамейке идти на четвереньках. И сзади идущий толкал впереди идущего в зад головой. А тот, кто шел первым, толкал носом монету. А монета должна была в конце скамейки упасть в блюдечко. А потом... ну, это, кажется, играли мальчики с девочками. И вот это мальчики, то есть мужчины уже взрослые проделывали. А когда проиграли девочки, они должны были облизать друг другу носы и волосы языком. Одна из них была Наташа Грошенкова, она потом стала очень большим ученым, доктором наук стала. Другая была преподавательницей, она, естественно, уже умерла.

В общем, я с Аликом Осетровым познакомился. Впоследствии я стал ходить с Аликом Осетровым в походы вдвоем. Потом мы ходили в походы, в коллективные уже, с туристами, и так далее. Так что он тоже стал моим другом на всю жизнь.

Хибины мне многое дали. Наташа Грошенкова, конечно, мне очень нравилась, я даже одно стихотворение написал. Но она никогда не обращала на меня никакого внимания.

Ю.С.: А скажите: вот за этот год, за эту дурацкую практику, вам же тоже нужно было какую-то работу сдать, написать...

Б.Р.: Где? У них там?

Ю.С.: Нет, вот за этот год...

Б.Р.: Так вот же, я и вспомнил о том, что я весной по коридору шел и придумал. Это-то я сделал своей курсовой работой уже на этот, следующий год. Я договорился с Баранским, Баранский это одобрил. Хотя он толком не понимал, но сказал... Я эту тему «Районирование и качественный фон» сделал своей курсовой работой на пятьдесят третий, пятьдесят четвертый учебный год.

Ю.С.: Как называется?

Б.Р.: «Районирование и качественный фон».

Ю.С.: Это вот когда с раскраской вы увидели?

Б.Р.: Да, но раскраску-то я увидел весной пятьдесят третьего. А осенью пятьдесят третьего года, уже в новом здании МГУ я сделал это своей курсовой работой.

Ю.С.: Понятно.

Б.Р.: Сейчас мы ее посмотрим. Вот она, как выглядит.

Ю.С.: Ух ты!

Б.Р.: Это курсовая работа. А приложение еще картографическое — вот это. Это я показывал. Конечно, это что-то феноменальное.

Ю.С.: Да, это вот курсовая?

Б.Р.: А вот это к ней приложения. Вот это к ней графическое приложение, вот так оно выглядит.

Ю.С.: Это курсовая студента?

Б.Р.: Это курсовая, это не дипломная. Это еще только курсовая.

Ю.С.: Даа...

Б.Р.: А в дальнейшем, я хочу сказать, что я только ухудшал свои работы. То есть, как я люблю говорить, я написал курсовую, ухудшил — получил дипломную. Еще ухудшил, много лет спустя — получил кандидатскую. Еще ухудшил через много лет — получил докторскую.

И, в соответствии с общей деградацией культуры и науки, я, ухудшая свои прежние сочинения, продолжаю функционировать в качестве ученого.

Ю.С.: Понятно.

Б.Р.: Так оно и есть.

Ю.С.: Неплохо.

Б.Р.: Неплохо. То, что я говорю сейчас, записываете?

Ю.С.: Конечно.

Б.Р.: Ну и хорошо, пускай это знают люди.

Ю.С.: Так еще раз просто: как это звучит в классической формуле?

Б.Р.: Ну, заглавие же тут есть.

Ю.С.: Нет, нет, вот ваша идея о том, что... Ну, надо же, таких курсовых в жизни не видел!

Б.Р.: Главное, чтобы это как-то сохранилось после моей смерти, на свалку чтобы не пошло.